

Международный

Аспект

ТОМ 1. ВЫПУСК 2 (2)
ОКТЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 2020

International

VOL. 1 NO. 2 (2)
OCTOBER–DECEMBER
2020

Aspect

PAX EUROPEANA

Россия и Европейский союз:
есть ли свет в конце туннеля? • 4
Иван Попов, к. ист. н.

Теневая экономика в странах ЕС • 8
Петр Трофимов

Лорд Каслри и «польский
вопрос» на Венском конгрессе
1814 – 1815 гг. • 53
Евгений Панков

International Aspect

ACADEMIC JOURNAL

Published since 2020 4 issues per year
Vol. 1, No. 2, 2020

Международный Аспект

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал издается с 2020 г. 4 выпуска в год
Том 1, Выпуск 2, 2020

Содержание

эссе

Россия и Европейский союз:
есть ли свет в конце туннеля? • 4
Иван Попов

мировая экономика

Теневая экономика в странах ЕС • 8
Петр Трофимов

Экономический аспект функционирования
института монархии на примере
Великобритании, Нидерландов
и Лихтенштейна • 29
Василиса Лопатина

история международных отношений

«А без денег судье лошади не брать»:
фогты Нарвы и русско-ливонская
торговля лошадьми в XV веке • 43
Валентина Якунина

Лорд Каслри и «польский
вопрос» на Венском конгрессе
1814 – 1815 гг. • 53
Евгений Панков

Для связи с редакцией: intaspect@intaspect.ru
intaspect.ru

119454, Россия, Москва, просп. Вернадского, 76
+7 (495) 229-41-78

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор
Михаил Кан

Заместитель
главного редактора
Глеб Иванов

Ведущий редактор
раздела «История»
Грант Бегларян

Ведущий редактор
раздела
«Международные
отношения»
Михаил Зверев

Ведущий редактор
раздела «Экономика»
Валерия Контрерас Кооб

Редакторы
Даяна Алагирова
Максим Комаринец
Евгений Кузнецов
Анастасия Лыкова
Дарина Сибуль
Полина Слепухина
Алексей Степанов

Ответственный
редактор выпуска
Максим Комаринец

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель
Редакционного совета
Андрей Анатольевич
Байков, К.полит.н.

Ирина Вячеславовна
Болгова, К.ист.н.

Игорь Александрович
Истомин, К.полит.н.

Contents

essay

Russia and the European Union: is there
a Light at the End of the Tunnel • 4

Ivan Popov

world economy

Shadow Economy in EU Countries • 8

Peter Trofimov

The Economic Aspect of Functioning
of Monarchy on the examples of
Great Britain, the Netherlands and
Liechtenstein • 29

Vasilisa Lopatina

history of international relations

“And without money the judge could not
take a horse”: The Bailiffs of Narva and
Livonian-Russian Horse Trade in the 15th
Century • 43

Valentina Yakunina

Lord Castlereagh and the Polish
question at the Congress of Vienna
1814 – 1815 • 53

Evgeny Pankov

Contact the editorial via: intaspect@intaspect.ru

intaspect.ru

76, Vernadsky ave., Moscow, Russia, 119454

+7 (495) 229-41-78

EDITORS

3

Chief Editor

Mikhail Kan

Deputy Chief Editor

Gleb Ivanov

Editor of «History»

section

Grant Beglaryan

Editor of «International

Relations» section

Mikhail Zverev

Editor of «Economics»

section

Valeria Contreras Koob

Editors

Dayana Alagirova

Maxim Komarinets

Evgeny Kuznetsov

Anastasia Lykova

Darina Sibul

Polina Slepukhina

Alexey Stepanov

Managing Editor

of the issue

Maxim Komarinets

EDITORIAL

BOARD

Head of the

Editorial Board

Andrey Baykov, Ph.D. in

Political Science

Irina Bolgova, Ph.D. in

History

Igor Istomin, Ph.D. in

Political Science

Россия и Европейский Союз: есть ли свет в конце тоннеля?

Иван Попов

К. ист. н., доцент кафедры дипломатии МГИМО, заместитель главного редактора журнала «Иberoамериканские тетради»

Очевидно, что после возвращения Крыма в состав Российской Федерации наши отношения с ЕС скатились к низшей точке качества практически по всем составляющим.

Деградация затронула не только торгово-экономическую область: выхолащивается и политический диалог. Брюссель и столицы крупнейших стран-участниц Евросоюза как будто не слышат Москву. Под ударом оказались и гуманитарные связи в широком смысле этого определения. «Органично» накладывается на эту ситуацию и фактическое прекращение контактов в связи с пандемией COVID-19.

Насколько закономерен такой «сброс» в отношениях России и остальной (за редким исключением) Европы? Надолго ли такая ситуация сохранится? Есть ли шансы на перезагрузку, и есть ли с обеих сторон силы, которые в этом заинтересованы? Нужен ли России Евросоюз, и нужна ли Евросоюзу Россия?

На первый вопрос ответ однозначным не получится. Скорее всего, приходится констатировать коллективную неадекватность Запада во главе с США, когда было объявлено об их победе в «холодной войне». Из этого следовало изменение подхода к России как продолжательнице СССР: Запад ре-

шил, что Россия окончательно потеряла статус самостоятельной суверенной мировой державы, и теперь будет дисциплинированно шагать «в ногу» со «старшими братьями» из «золотого миллиарда». «Демократическое» руководство России первой половины 1990-х годов охотно тешило Запад в этих иллюзиях своими безответственными заявлениями и намеками о желании поступиться ядерным паритетом ради «дружбы» с США и «свободным миром» в целом, о стремлении вступить во все альянсы Запада и т. д.

Отрезвление наступило в нулевые годы XXI века, когда новое руководство страны пришло к пониманию, что, кроме панибратства, Запад не собирается предлагать России ничего, что было бы похоже на равноправные отношения и тем более совместный поиск решений острейших вопросов международных отношений. Конечно, инициатива в том, чтобы Россию «поставить на место», исходила от США. Но крайне неприятным открытием для российского руководства и ориентированного на национальные интересы общественного мнения страны стал тот факт, что ведущие страны Евросоюза безропотно согласились со «старшим братом» в этой линии. Тем более это относилось к странам-лимитрофам России, интегрированным в пожарном

порядке в западные структуры в конце 1990-х – начале 2000-х годов. Эти «неофиты», стремясь быть «святее» Папы Римского, с неизбывной энергией упражнялись в том, чтобы посильнее «ударить» ослабевшую, как им хотелось верить, Россию, добавляя красок в процесс определения для нашей страны ее места в иерархии «свободного мира».

Выступление Президента в 2007 году на конференции в Мюнхене стало важным сигналом коллективному Западу: Россия прошла период адаптации к новым постсоветским реалиям, и через горькие уроки практической внешней политики в постбиполярном мире готова к восстановлению международного престижа страны как уникальной евразийской державы, обреченной, в силу геостратегического положения, на активную суверенную роль в мировых делах.

Казалось бы, предельно корректное выступление В. В. Путина в Мюнхене должно было сподвигнуть западных партнеров на трезвые размышления насчет корректировки своего курса в отношении России. Но здесь приходится констатировать принципиальные различия в менталитете Запада и Востока европейской цивилизации. Невзирая на все различия между ангlosаксами, немцами, французами, их объединяет один прагматический императив: проигравший должен полностью испытать чашу своего поражения. Похоже, что именно это и стало причиной истерической (по-другому не назовёшь), реакции Запада, включая респектабельную Европу, на обращение Президента к здравому смыслу наших партнеров. Эмоции захлестнули

и отключили разум – трудно в ином ключе интерпретировать вербальную реакцию ответственных руководителей западных стран на выступление российского лидера.

И этот факт служит основанием для самых мрачных опасений.

Закономерность «сброса» в наших отношениях с США предопределена тем, что американцы в силу собственного высокомерия упустили шанс закрепить за собой исключительные позиции лидера «свободного мира», который им представился в момент распада социалистической системы. Конечно, можно поспорить, могли бы американцы удержать эту позицию в принципе, но представляется бесспорным фактом, что именно в силу своей аррогантности США упустили возможность тесно привязать к себе Россию в момент ее геополитических метаний. Когда Россия вернулась в русло политического реализма, было уже поздно. Именно это стало причиной неумных публичных высказываний одного из американских лидеров насчет России – региональной державы с порванной в клочья экономикой и пр.

С Европой вопрос обстоит сложнее. Политическая культура континента несравнимо выше американской. Опыт и практика реальной политики, поиска взаимоприемлемых компромиссов значительно богаче, чем у американцев. Еще в начале нулевых годов нынешнего века Франция и Германия показывали готовность к политическому сотрудничеству с Россией в вопросах соблюдения международно-правовых норм во время американо-британской интервенции в Ираке. Договоренности

по иранской ядерной программе также стали возможны не в последнюю очередь благодаря усилиям европейцев. Тем не менее, в отношениях с Россией, после того как ушли в политическое небытие европейские политики, ответственно относившиеся к национальным интересам своих стран, Западная Европа утратила способность к поиску взаимоприемлемых решений. Сегодня лидеры Евросоюза демонстрируют неспособность смириться с тем, что Россия вернула себе роль ключевого и независимого игрока на мировой арене. Именно это определяет кризис в наших отношениях с ЕС сегодня и на ближайшую перспективу.

Можно долго рассуждать о перспективах преодоления кризиса в отношениях России и Евросоюза. Однако, в первую очередь необходимо для нас самих ответить на принципиальный вопрос: насколько важно для России преодоление этого кризиса, и насколько это нужно ЕС?

Не секрет, что в российском экспертном сообществе набирает силу резонное разочарование в связи с неспособностью европейцев хотя бы выйти на диалог по важнейшим вопросам наших отношений. Лощенные европейские дипломаты позволяют себе менторский тон в разговоре с российскими партнерами. Более того, заявляя свои позиции по тем или иным вопросам, они не утруждают себя попытками воспринять контраргументы собеседников. Похоже, что именно такая беспардонность европейских «собеседников» вынудила С. В. Лаврова с горькой иронией поставить под сомнение саму необходимость такого диалога в настоящее время.

Так, может быть, действительно стоит России повернуться спиной к европейским соседям, сконцентрироваться на делах постсоветского пространства и на развитии отношений с теми странами, которые готовы к равноправному сотрудничеству во благо национальных интересов всех его участников? Некоторые наши эксперты предлагают нечто в таком духе. При этом достаточно громко слышна небеспочвенная аргументация, подкрепляющая мысль о серьезном экзистенциальном кризисе Евросоюза. Глубокие проблемы ЕС имеют объективный, глубокий и долгосрочный характер: отсутствие серьезной политической субъектности в мировой политике, проблемы внутреннего единства стран-участниц, миграционные проблемы, кризис либеральных установок общественного развития. Можно продолжить перечисление... Так что, закат Европы наконец происходит, как об этом пишут многие?

Что-то подсказывает, что старушка Европа и на этот раз сумеет выйти из глубокого кризиса. В пользу этого говорит то, что в западной части континента активно развивается общественная дискуссия между различными политическими силами. Самоуверенный либерализм со всеми малопримлемыми для среднего европейца вывертами больше не подчиняет себе беспрекословно европейское общество. Растет понимание необходимости отказаться от диктата определенных ценностей, какими бы прогрессивными они не провозглашались. Серьезные социально-экономические проблемы, тесно связанные с вопросами национальной самоидентичности, способствуют отрезвлению

части политического класса Западной Европы. С завершением Брекзита самоидентификация ЕС неизбежно будет скорректирована и, похоже, что в сторону укрепления собственных позиций в мировой политике и хозяйственной жизни.

Надо ждать появления новых лидеров общественного мнения, способных предложить странам Евросоюза объединяющие идеи. Именно это позволяет говорить со сдержанным оптимизмом о среднесрочных перспективах российско-европейских отношений.

Очевидно, что экономическая сопрягаемость двух полюсов континента никуда не делась. Более того, укрепление мировых позиций новых экономических гигантов: Китая, Индии, в первую очередь, — побуждает всех трезвомыслящих европейцев к ускорению движения к формирова-

нию единого социально-экономического пространства от Атлантики до Тихого океана. Нельзя сбрасывать со счетов и потенциал политического взаимопонимания между нами. Россия — это восток континента. Нам не надо — рыгать на майдане, чтобы убедить самих себя, что мы Европа. Без нас Европа не полноценна ни в экономическом, ни в политическом, ни тем более в культурном и духовном смысле.

Важно искать достойных партнеров по европейскому диалогу. Важно преодолеть комплексы неполноценности, которые в нас настойчиво пестуют псевдолибералы. Надо идти к европейцам с открытым забралом и убеждать их в неизбежности возврата к совместному строительству новой Европы.

Мнение автора эссе может не совпадать с мнением редакции

Теневая экономика в странах ЕС

Петр Трофимов
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются особенности определения понятия теневой экономики, анализируются основные факторы ее развития, а также применяемые методы измерения ее объема. Дается оценка текущему состоянию теневого сектора экономики в странах ЕС, его размерам, динамике развития и отрас-

левому распределению. Особое внимание уделяется современным трендам, позитивно и негативно влияющим на проблему борьбы с теневой экономикой в странах ЕС. Анализируются основные методы борьбы с теневой экономикой, применяемые в странах ЕС, а также рассматривается вопрос их эффективности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Теневая экономика, транзакция, экономический актор, бизнес-модель, экономика свободного заработка, валютный рынок, отрасль экономики, налоговое бремя, социальные отчисления.

Shadow Economy in EU Countries

Peter Trofimov

MGIMO University

ABSTRACT

The article deals with the specificities of the definition of the notion of shadow economy, with core factors of its development and applied methods of measuring of its size are analyzed. An assessment of the current state, dynamics of the development and sectoral distribution of the shadow sector of the

economy of EU countries is provided. Special attention is given to modern trends that positively or negatively influence the issue of fighting shadow economy in EU countries. Key methods of fighting shadow economy that are applied in EU countries are analyzed and the question of their effectiveness is considered.

KEYWORDS

Shadow economy, electronic transactions, economic actor, business model, gig economy, exchange market, economic sector, tax burden, social security contributions.

ВВЕДЕНИЕ

Данная статья представляет собой обзор современного состояния теневого сектора экономики стран Европейского Союза. На сегодняшний день проблема теневого сектора является одной из наиболее серьезных экономических проблем стран ЕС, решение которой жизненно необходимо для функционирования национальных экономик стран-членов. Согласно подсчетам, на данный момент объем теневого сектора в данных странах значителен, приблизительно 2,15 трлн евро^[1], что предопределяет повышенное внимание, уделяемое руководством стран ЕС поиску решений данной проблемы. Это обуславливает актуальность темы данного исследования.

Объектом данной работы является теневой сектор экономики в государствах-членах Европейского Союза.

Предметом данной работы являются ключевые факторы и основные тенденции в теневом секторе экономики стран-членов Европейского Союза.

Целью данной работы является формирование целостного теоретического концепта теневой экономики в соответствии с определениями, принятыми в ЕС, анализ современного состояния теневого сектора в странах ЕС, его динамики, отраслевого характера, современных тенденций и мер государств ЕС по борьбе с ним.

В рамках данного исследования выделяются следующие задачи:

- ♦ охарактеризовать концепт теневой экономики исходя из определений, принятых в ЕС;

- ♦ оценить размер и долю в ВВП теневого сектора стран ЕС;

- ♦ определить, какие экономические отрасли являются наиболее уязвимыми перед угрозой развития теневого сектора и выявить причины подобной уязвимости;

- ♦ проанализировать ключевые современные тенденции, связанные с развитием теневого сектора;

- ♦ дать оценку мерам государств ЕС по борьбе с теневой экономикой;

- ♦ дать оценку деятельности Европейской комиссии в области борьбы с теневой экономикой.

КОНЦЕПТ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ

Определение теневой экономики

Для понятия теневой экономики в том смысле, в каком она понимается в странах-членах ЕС, что наиболее релевантно в контексте задач нашего исследования, можно использовать три определения разной степени детализации и, соответственно, разной степени точности:

- ♦ *теневая экономика* — экономические действия, информация о которых не предоставляется (Информационная записка 2012 г.)^[2];

- ♦ *теневая экономика* — экономическая деятельность и прибыль, полученная в ее результате, которые обходят или избегают государственного регулирования и налогообложения (определение Еврокомиссии)^[3];

- ♦ *теневая экономика* — экономические действия, легальные или неле-

[1] Schneider F. Shadow economy in Europe / Friedrich Schneider. // A. T. Kearney. — 2009. — P. 1

[2] Žukauskas V. Reducing Shadow Economies: From Drivers To Policies / Vytautas Žukauskas. // Lithuanian Free Market Institute. — 2019.

[3] Tudose B. M., Clipa R. I. An analysis of the shadow economy in EU countries / Michaela Brindusa Tudose, Raluca Irina Clipa. // CES Working Papers. — 2016. — Volume VIII, Issue 2. — P. 304.

гальные, информация о которых должна сообщаться налоговой администрации, но информация о которой не сообщается и которая в результате не облагается налогами, в отличие от действий, информация о которых была предоставлена (определение ОЭСР)^[4];

◆ *теневая экономика* — легальные экономические действия, скрывающиеся от государственных органов с целью уклонения от уплаты налогов, НДС, социальных отчислений; соответствия установленным законом стандартам (минимальная заработная плата, максимальное количество рабочих часов, нормы безопасности и санитарные нормы); выполнения административных процедур (определение Евростата)^[5].

В этом контексте необходимо обратить внимание на принципиальное различие двух наиболее полных определений из представленных выше — определение ОЭСР и определение Евростата. Оба данных определения включают ключевые элементы понятия — обязательность информирования государства об экономических действиях (что опущено в определении, данном в Информационной записке 2012 г. и определении Еврокомиссии), нарушение данной обязанности экономическими акторами (что опущено в определении, данном в Информационной записке 2012 г.) и основной мотив данного нарушения — уклонение от уплаты налогов (опущенный в определении, данном в Информационной записке 2012 г. и определении Еврокомиссии).

Ключевым различием определения ОЭСР и определения Евростата является то, что первое рассматривает как легальные, так и нелегальные действия, в то время как второе — только легальные. На настоящий момент в экономической науке нет единого мнения касательно того, стоит ли включать нелегальные экономические действия, под которыми понимается в первую очередь продажа товаров, которые по своей природе являются нелегальными и не могут продаваться на легальном рынке, а также прочие элементы криминальной экономики, в понятие теневой экономики. Тем не менее, нам кажется намного более целесообразным принять определение Евростата и не включать в понятие теневой экономики нелегальные экономические действия. На это есть две причины:

◆ В случае продажи нелегальных товаров основным мотивом является не сокращение издержек за счет уклонения от уплаты налогов или социальных выплат (согласно определению теневой экономики, именно это мотив лежит в основе всех экономических действий в рамках теневой экономики), а возможность продажи данных товаров как таковая, так как в рамках легальной экономики она не может осуществляться. Иными словами, в понятие теневой экономики входят только те действия, осуществление которых в рамках легальной экономики возможно, но не происходит с целью сокращения издержек от уклонения от уплаты налогов и социальных выплат, следовательно, действия, осуществление которых в рамках легальной

[4] Shining Light on the Shadow Economy: Opportunities and Threats. — OECD, 2017. — P. 9.

[5] Adair P. Non-Observed Economy vs. the Shadow Economy in the EU: The Accuracy of Measurements Methods and Estimates revisited / Philippe Adair. // 4th OBEGEF Interdisciplinary Insights on Fraud and Corruption. — 2017. November. — P. 4.

экономики в принципе невозможны, не входят в рамки данного понятия.

◆ Борьба с криминальной экономикой требует других мер со стороны государства, чем борьба с теневой экономикой. В борьбе с криминальной экономикой не могут применяться позитивные меры, а степень жесткости негативных мер будет значительно выше.

В связи с этим нам представляется очевидной необходимость рассматривать криминальную экономику отдельно от теневой. В данной работе понятие теневой экономики будет применяться в том определении, которое ему дает Евростат.

В ЕС экономическую деятельность, относимую к теневой экономике, подразделяют на две категории:

- ◆ нелегальную работу;
- ◆ занижение данных (*underreport*).

Данной классификацией мы и будем пользоваться при анализе текущего состояния теневой экономики в странах ЕС.

Факторы развития теневой экономики

На возникновение и развития теневой экономики влияют пять основных факторов:

◆ *выгода* — поскольку участники теневой экономики не платят налоги и выплаты по социальному страхованию, существует корреляция между налоговой ставкой в стране и размером теневой экономики. Кроме того, влияние данного фактора выражается в том, что выгода теневой экономики видна в краткосрочной перспективе, в то время как выгода участия в легальной экономике проявляется в долгосрочной перспективе, причем

в не прямой, коллективной форме;

◆ *отсутствие чувства вины* (*guilty conscience*) — теневая экономика воспринимается как нормальная часть общества в тех странах, где качество государственных институтов низкое, в контексте ЕС это в первую очередь страны Восточной Европы, а также в ряде южно-европейских стран, где государства пользуются малым кредитом доверия среди населения и сложились устойчивые традиции ведения бизнеса в теневом секторе (мафия и семейный бизнес в Италии);

◆ *простота участия* — чем больший объем финансовых операций происходит через наличный расчет, тем сложнее отследить финансовые операции в рамках теневой экономики, так как транзакции в наличности по своей природе мало контролируемы. Кроме того, необходимо отметить, что в связи с тем, что современный европеец имеет в своем распоряжении как правило достаточно свободного времени, он может участвовать в теневой экономике в рамках подработки.

◆ *риск обнаружения и тяжесть наказания* — чем ниже риск быть пойманными и мягче наказание, тем больше объем теневой экономики. При этом наказание может выражаться по-разному: в виде уголовной ответственности, денежного штрафа или ущерба репутации, в зависимости от конкретного случая;

◆ *отношение к налоговой системе и деятельности налоговых органов* — должно рассматриваться в двух аспектах: насколько справедливой воспринимается населением структура налогообложения; насколько эффективным воспринимается населением рас-

ходование государством получаемых средств. В данном случае существует прямая корреляция между уровнем неудовлетворения населения и его участием в теневой экономике.

В этой связи представляет интерес доклад «Ограничение теневых экономик: от факторов к политике» Литовского Института Свободного Рынка, посвященный анализу влияния основных факторов теневой экономики на желание населения участвовать в ее различных секторах. В рамках данного исследования теневая экономика была разделена на три сектора — теневой рынок товаров, нелегальные акцизные товары и теневой рынок труда. Согласно результатам исследования, на участие во всех трех секторах влияют такие факторы, как нравственная оценка участия в теневой экономике, убежденность в тяжести наказания, а также уровень финансов и доходов населения. В то же время убежденность в вероятности обнаружения оказывает влияние лишь на потенциальных участников теневого рынка труда, а отношение к государству и его институтам вообще не оказывает серьезного влияния на потенциальных участников ни одного из секторов^[6].

Методы измерения объема теневой экономики

Специфика понятия теневой экономики предопределяет сложность измерения ее объема, так как приходится иметь дело с транзакциями, не регистрируемыми налоговыми органами и специально от них скрываемыми. В связи с этим данная область

экономики остается традиционно менее изученной, чем другие. Все методы, применимые для анализа теневой экономики, могут быть разделены на прямые и непрямые. Прямым методом являются налоговые аудиты, изучающие соблюдение налогового законодательства, применимые исключительно к области легальных экономических действий. Данный метод исследования позволяет, помимо количества нарушений, определить вероятность соблюдения или нарушения налогового законодательства экономическими акторами и долю нарушений, остающихся необнаруженными, однако его недостатком является тренд на занижение объема теневой экономики, в связи с чем он не может быть использован как единственный метод изучения объема теневого сектора в экономике. Все вышеописанное в равной степени применимо и к выплате социальных отчислений.

К косвенным методам относятся:

- ◆ *оценка расхождений между доходами и расходами на рынке товаров и услуг.* Как правило, подобные расхождения колеблются в коридоре 3 – 10 % ВВП.

- ◆ *оценка расхождений показателей на валютном рынке:*

- метод обменного курса валют/ метод спроса — предполагается, что все транзакции в рамках теневой экономики проводятся в наличности, а скорость обращения наличности в рамках легальной и теневой экономики одинакова. Далее либо оценивается изменение курса валют относительно базового года (Гутман,

[6] Žukauskas V. Reducing Shadow Economies: From Drivers To Policies.

1977 г.)^[7], либо скорость обращения наличности в легальной экономике умножается на объем наличности в теневой экономике (Танзи, 1982 г.)^[8] В последнем исследовании также анализируется соотношение наличности и финансов, хранящихся на депозитах, доход на душу населения, доля общей суммы заработной платы в индивидуальных доходах и уровень заинтересованности в краткосрочных депозитах как альтернативной издержки хранения наличности. Иными словами, в рамках данного метода предполагается, что чем выше заинтересованность населения в наличности, тем больше доля теневой экономики. Тем не менее, данный метод критикуется (Томас, 1999)^[9]: во-первых, за то, что невозможно взять базовый год с нулевой долей транзакций в рамках теневой экономики, во-вторых, предположение об одинаковой скорости обращения наличности в легальной и теневой экономике требует доказательства, в-третьих, предположение о том, что транзакции в рамках теневой экономики осуществляются исключительно наличности не соответствует реальности;

■ *метод транзакций* — применялся в исследовании Е. Фейга (1989 г.)^[10]. В рамках него предпо-

лагается, что транзакции в теневой экономике осуществляются как в наличности, так и с помощью безналичного расчета. Объем теневого сектора в экономике оценивается через анализ несоответствия ситуации в реальной экономике уравнению количественной теории денег (quantity theory of money) $MV = PT$, где M — денежная масса, V — скорость обращения, P — уровень цен, T — количество транзакций. Чем в меньшей степени верно данное уравнение относительно реальной ситуации в экономике, тем больше объем теневого сектора. Данный метод критикуется, за то, что его подсчеты сильно зависят от базисного года (Танзи, 1982 г.)^[11]

В целом стоит также отметить, что недостатком любых валютных методов является то, что они не учитывают накопления, что, очевидно, вызывает переоценку объема теневой экономики или, в контексте сделанных ранее накоплений, недооценку ее объема.

♦ *оценка расхождений на рынке труда* — нелегальная рабочая сила высчитывается путем вычета из фактического уровня экономической активности населения уровня экономической активности населения согласно официальным данным. Данный метод имеет два недостатка: во-первых, согласно определению МОТ, категория рабочей силы

[7] Gutmann P. M. The Subterranean Economy / Peter M. Gutmann // Financial Analysts Journal. — 1977. — Volume 33, Issue 6. — P. 26-27.

[8] Tanzi V. The Underground Economy in the United States and abroad / edited by Vito Tanzi. — Lexington: D. C. Heath, 1982.

[9] Thomas J. Quantifying the Black Economy: 'Measurement without Theory' Yet Again? / Jim Thomas. // Economic Journal. — 1999. — Vol. 109, Issue 456. — P. 381-389.

[10] Feige, E. L. Tax Evasion and Information Distortion / Edgar L. Feige. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

[11] Tanzi V. The Underground Economy in the United States and abroad.

не включает в себя детей или пожилых людей, фактически присутствующих на рынке нелегальной рабочей силы, что ведет к недооценке объема рынка, во-вторых, основное предположение о том, что добавочная стоимость на одного работника (*value added per unit of employment*), используемая при оценке объема официального и фактического уровня экономической активности, одинакова для легальных и нелегальных работников, представляется не соответствующей реальности, так как работники в теневой экономике как правило работают в худших с точки зрения технического оснащения условиях и, как следствие, их продуктивность ниже, что ведет к недооценке объема рынка нелегальной рабочей силы;

♦ *оценка потребления электричества* — оценивается разница в росте официального показателя ВВП и роста потребления электричества. Недостатком метода является то, что не все экономические действия в рамках теневой экономики требуют использования электричества (например, уличная торговля), кроме того, изменения в соотношении ВВП/объем потребляемого электричества могут быть вызваны не связанными с теневой экономикой факторами, что ведет к переоценке объема теневого сектора;

♦ *модель Dynamic Multiple Indicators, Multiple Causes (DYMIMIC)* — использует различные источники информации для оценки объема и динамики развития теневого сектора. В рамках данной модели предполагается, что размер теневой

экономики является латентной переменной, связанной, с одной стороны, с определенным числом наблюдаемых индикаторов, отражающих изменения в объеме теневой экономики, а с другой — с набором наблюдаемых каузальных переменных, которые рассматриваются как некоторые наиболее важные детерминанты скрытой экономической активности. В качестве количественных переменных выступают институциональные ограничения (реальный размер налогового бремени, доля государственных служащих в общем объеме рабочей силы), рост реального ВВП и состояние рынка труда (уровень безработицы, количество отработанных часов), в качестве качественных переменных — восприятие налогового бремени и отношение населения к мошенничеству^[12].

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЕНЕВОГО СЕКТОРА В СТРАНАХ ЕС

Размер и доля теневого сектора в странах ЕС

На сегодняшний день, по наиболее свежим подсчетам, общий объем теневого сектора в странах ЕС составляет 2,1 трлн евро, причем общий объем показывает положительные темпы роста. Доля в ВВП варьируется в коридоре от 9,6% (Австрия) до 37,8% (Болгария)^[13], в зависимости от национальных и региональных особенностей. Исходя из доли теневой экономики в национальном ВВП, мы можем условно разделить все страны-члены на три группы, в целом совпадающие с региональным делени-

[12] Adair P. Non-Observed Economy vs. the Shadow Economy in the EU. P. 4.

[13] Kelmanson B., Kirabaeva K., Medina L., Mircheva B., Weiss J. Explaining the Shadow Economy in Europe: Size, Causes and Policy Options. / Ben Kelmanson, Koralai Kirabaeva, Leandro Medina, Borislava Mircheva, Jason Weiss. // IMF Working Paper — November 2019. — No. 19/278.

ем:

♦ *Западная Европа*, в странах которой доля теневого сектора в ВВП относительно низка — от 9,6% (Австрия) до 22,1% (Бельгия);

♦ *Южная Европа*, в странах которой доля теневого сектора в ВВП традиционно выше, что может быть связано, в зависимости от конкретной страны, с кризисным состоянием национальной экономики в целом, традициями иллегального семейного бизнеса, низким кредитом доверия властей, слабым уровнем развития общественных институтов. В данном регионе доля теневого сектора составляет от 24,5% (Португалия) до 30,2% (Греция);

♦ *Восточная Европа*, традиционно наименее развитый регион ЕС, для которого также характерен низкий уровень развития общественных институтов и в ряде стран — низкий уровень кредита доверия властей. В данном регионе доля теневого сектора в ВВП варьируется в коридоре от 19,4% (Чехия, Словакия) до 37,8% (Болгария).

Необходимо отметить, что относительно остального мира доля теневой экономики в ВВП стран ЕС очень высока. Это становится особенно хорошо различимо при сравнении с другими мировыми экономическими центрами: согласно отчету Ассоциации дипломированных сертифицированных бухгалтеров, на 2016 г. в США доля теневой экономики составляет лишь 7,8%, в Японии — 10%, в Китае — 10,2%^[14]. Таким образом, только самым успешным странам-членам ЕС

удается поддерживать сопоставимый с основными экономическими конкурентами уровень доли теневого сектора в ВВП (7 — 11%). Данное отставание ЕС связано, в первую очередь, с особенностями европейской экономической модели. Относительно большая тяжесть налогового бремени, включая выплаты по социальному страхованию, в европейской экономической модели, в сравнении с американской или японской, приводит и к относительно большей доле теневого сектора в ВВП. Данный тезис подтверждается исследованием Ф. Шнайдера, нашедшим отражение в его работе “Shadow Economy in Europe” и базировавшимся на данных ОЭСР 2003 г. Согласно данному исследованию, существует практически прямая корреляция (0,56) между тяжестью налогового бремени и долей теневого сектора в ВВП страны^[15].

Динамика развития теневого сектора в странах ЕС

Несмотря на стабильный рост общего объема теневого сектора в странах ЕС его доля в ВВП стран ЕС стабильно снижается. За период 2003 – 2015 гг. средняя доля теневой экономики в ВВП снизилась с 22,6% до 18,2%^[16]. Согласно наиболее свежим исследованиям, в 2019 г. ее средняя доля в ВВП стран ЕС составила 16%. Данный показатель, хотя еще не является достаточно низким в сравнении с показателями основных глобальных экономических конкурентов, демонстрирует в целом позитивный тренд. При этом необходимо отметить,

[14] Emerging from the shadows: the shadow economy to 2025. // The Association of Chartered Certified Accountants (ACCA). — 2017.

[15] Schneider F. Shadow economy in Europe / Friedrich Schneider. // A. T. Kearney. — 2009. — P. 4

[16] An analysis of the shadow economy in EU countries. P. 310.

что темпы падения доли теневого сектора в ВВП стран ЕС не падают – начиная с 2009 г. они ежегодно положительные и колеблются в коридоре 0,2% – 0,5%, не имея тенденции к смещению в нижнюю часть коридора^[17]. При этом на сегодняшний день сокращение средней доли теневого сектора по ЕС происходит в большей степени за счет улучшения ситуации в странах Южной и Восточной Европы с традиционно высокой долей теневого сектора, в то время как в более развитых странах Западной Европы темпы сокращения роста теневого сектора ниже. Так, в Великобритании за период 2003 – 2015 гг. доля теневого сектора в ВВП снизилась с 12,2% до 9,4%, во Франции с 14,7% до 12,3%, в Германии с 17,1% до 12,2%, в Испании с 22,2% до 18,2%, в Греции с 28,2% до 22,4%. Наилучший показатель продемонстрировала экономика Румынии – доля теневого сектора в ВВП Румынии снизилась с 33,6% до 28% (-5,6%)^[18]. Примечательно, что Румыния, наряду с Болгарией и Латвией, при этом находится в группе стран с наихудшим показателем доли теневого сектора в ВВП.

Наиболее уязвимые для распространения теневой экономики отрасли национальных экономик стран ЕС

Что касается отраслевой структуры теневого сектора стран ЕС, необходимо отметить, что данный показатель практически не имеет национальной специфики – за определенными исключениями, одни и те же отрасли оказываются в равной степени уязвимыми для теневой экономики в разных

странах. В этом свете мы можем говорить об интернациональном характере предпосылок их уязвимости.

В качестве отраслей, в которых теневая экономика наименее развита, можно отметить недвижимость, электричество, здравоохранение и финансовые услуги. Причиной этого является высокий уровень регулирования и контроля со стороны правительства либо зависимость от контрактов с покупателями, лишаящая экономических агентов проводить транзакции в обход контроля со стороны государства. Наиболее подверженными развитию теневого сектора отраслями являются в первую очередь строительство, далее производство, розничная продажа, отели и рестораны. Основными причинами, определяющими уязвимость данных отраслей, являются традиционно высокий уровень занижения данных, особенно в строительстве, где подобная практика носит традиционный характер, а также большое число малых транзакций в наличности.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕНЕВОГО СЕКТОРА В СТРАНАХ ЕС

Ключевые факторы, влияющие на современное развитие теневого сектора

Наиболее существенным фактором, влияющим на современное состояние теневого сектора в странах ЕС и перспективы его развития, является рост численности электронных транзакций. В отличие от наличных расчетов, электронные транзакции проще отследить, они не способствуют неконтролиру-

[17] An analysis of the shadow economy in EU countries. P. 310.

[18] Ibid. P. 309.

емым финансовым операциям и, как следствие, развитию теневой экономики. Данная гипотеза подтверждается результатами еще одного исследования Ф.Шнайдер в рамках его работы "Shadow Economy in Europe". Согласно его результатам, существует достаточно строгая корреляция (0,7) между долей теневой экономики в ВВП страны и средним числом электронных транзакций на жителя за год. Так, Румыния и Болгария, имеющие самый низкий показатель электронных транзакций, также имеют одни из самых высоких показателей доли теневого сектора в ВВП. В свою очередь, в Австрии и Нидерландах, где численность электронных транзакций на жителя за год превышают отметку 250, доля теневого сектора в ВВП также одна из самых низких.

В этой связи мы можем выделить два основных метода повышения доли электронных транзакций в общем числе транзакций:

- ♦ интеграция банковских услуг (banking inclusion) — в первую очередь увеличение числа пользователей банковских карт, в том числе за счет предоставления льгот для экономических акторов, осуществляющих транзакции в электронном формате, а также за счет таких краткосрочных мер, как предоплаченные карты (карты, оформляющиеся без открытия личного счета и идентификации клиента и имеющие лимит хранящихся на ней средств, делятся на подарочные, виртуальные и мгновенной выдачи)

- ♦ вытеснение наличности — подразумевает более широкий комплекс мер с участием всех заинтересованных сторон. Со стороны правительств требу-

ется перевод как можно большего числа платежей на карты. Также необходимо популяризировать платежи с помощью кредитных и дебетовых карт во всех областях, в том числе тех, где карты традиционно не использовались: бары, такси, мелкие платежи меньше 10 евро. Появление более быстрых, бесконтактных способов платежа картами (paypass) должно способствовать популяризации безналичных расчетов. В рамках негативных мер должно быть предпринято ограничение транзакций в наличности в некоторых областях.

Еще одним фактором, появившимся сравнительно недавно и также связанным с развитием технологий, являются новые бизнес-модели: экономика совместного потребления (sharing economy) и экономика свободного заработка (gig economy).

Экономика свободного потребления — бизнес-модель, суть которой заключается в совместном использовании имущества (например, общей спальни, парковочного места или машины), которое в противном случае осталось бы неиспользованным, на основе разделения расходов (например, разделения расходов на топливо в совместной поездке). Данная модель не является новой, однако ранее она не получала широкого применения в силу того, что, во-первых, реклама подобного имущества была затруднительна, во-вторых, возникали проблемы доверия как со стороны «продавца», владеющего имуществом (впускать незнакомого в свой дом опасно), так и со стороны «покупателя» (проблема защиты от мошенничества, страхового покрытия и т. д.). С распро-

странением же интернета появились посредники, предоставляющие возможности широкой рекламы имущества и обеспечивающие доверие с помощью предоставления страховки, составления рейтинга покупателей и продавцов, создания процедуры рассмотрения жалоб, а также внедрения системы хранения средств на депозите.

Экономика свободного заработка — бизнес-модель, суть которой заключается в выполнении конкретных заданий конкретными людьми без посредничества работодателя, через посредничество онлайн-сервисов (такси, единовременные доставки, услуги питания, услуги по уходу за детьми).

Распространение данных бизнес-моделей создает определенные сложности, связанные с налогообложением, которые в перспективе могут негативно влиять на объем теневой экономики в странах ЕС. Во-первых, возникает проблема неясности налоговых обязательств для работодателей — зачастую сложно определить, выполняется ли какое-либо экономическое действие в качестве бизнеса или нет, сложно определить статус занятости и соответствующие пределы зарплаты. Во-вторых, поскольку в рамках данных моделей нет традиционного работодателя, налоговые органы зачастую не могут распознавать платежи, фактически являющиеся зарплатой работникам. В-третьих, онлайн-посредник может не находиться в той же юрисдикции, что и лицо, получающее конечный платеж, в результате чего у налоговых органов могут возникнуть трудности с получением информации, особенно если важные детали не указаны на сайте.

Еще одним современным фактором, негативно влияющим на проблему теневой экономики в странах ЕС, является рост транснациональной теневой экономики. В рамках этого фактора мы можем выделить сокрытие прибылей от офшоров или выведение прибылей в офшоры, а также международная продажа и доставка запрещенных товаров, подделок и пиратской продукции через онлайн-посредников. На данный момент существует международная договоренность по обмену информацией об офшорах между государствами, однако поскольку данную договоренность подписал лишь ограниченный круг государств, эффективность предусмотренных в ней мер также является сильно ограниченной.

Наконец, в настоящее время теневая экономика находится и под влиянием такого фактора, как развитие рынка нелегальной рабочей силы. Согласно исследованиям, находясь в уязвимом экономическом положении, люди более подвержены риску эксплуатации со стороны недобросовестных агентов по трудоустройству, представителей организованной преступности или мошенников. Среди различных уязвимых с экономической точки зрения групп населения наиболее подвержены данному риску мигранты. Нелегальное трудоустройство мигрантов может иметь место и в рамках официальной экономики, оно связано с нарушением иммиграционного или трудового законодательства и является пагубным с экономической точки зрения (уменьшение доходов государства, социальный демпинг), с точки зрения миграционной политики (возможность нелегальной

работы является ключевым фактором, способствующим нелегальной миграции), с социальной и этической точки зрения (мигранты находятся под угрозой эксплуатации). В последние годы миграционный поток в страны-члены ЕС увеличился. Согласно статистике Евростата, в 2017 г. в страны ЕС прибыло 2,4 млн иммигрантов из стран, не входящих в состав ЕС. В течение 2017 г. гражданство стран ЕС получили 825 тыс. чел. По состоянию на 1 января 2018 г. 22,3 млн человек (4,4% населения стран ЕС), проживающих в ЕС, не являлись гражданами ЕС^[19]. Сейчас проблема мигрантов является одной из наиболее острых проблем, стоящих перед руководством ЕС, а также одной из наиболее веских причин для растущего евроскептицизма. В контексте нашей работы она может рассматриваться как фактор, оказывающий серьезное негативное влияние на перспективы развития теневой экономики в странах ЕС.

Меры государств ЕС, предпринимаемые для борьбы с теневой экономикой

На сегодняшний день задача борьбы с теневой экономикой является одной из наиболее приоритетных задач в сфере экономической политики, стоящих перед странами ЕС. Меры, предпринимаемые для борьбы с проблемой теневой экономики, могут быть условно разделены на негативные и позитивные. Под негативными мерами понимаются новые правила, контрольные механизмы и наказания в виде денежных штрафов или конфискации прибылей участников теневой экономики.

Необходимо отметить, что негативные меры традиционно считаются менее эффективными, их эффективность зависит от надежности применения и неотвратимости наказания. Кроме того, некоторые исследователи отмечают, что искоренение теневой экономики любой ценой с помощью негативных мер является контрпродуктивным, так как усиление карательных мер ведет к снижению деловой активности^[20].

Примерами позитивных мер являются модернизация налоговой системы и системы социального страхования с целью сделать их проще и, в некоторых случаях, дешевле и снизить финансовую привлекательность нелегальной работы, улучшение линий коммуникации между гражданами и правительством, административные реформы, направленные на упрощение системы с целью снизить издержки соответствия официальным правилам, транснациональное сотрудничество в рамках ЕС: сотрудничество органов, обмен опытом и выработка общей политики, меры по повышению осознанности общества в отношении рисков участия в теневой экономике и уплаты налогов.

В упомянутом нами выше докладе "Reducing Shadow Economies: From Drivers to Policies" Литовского Института Свободного Рынка также отражены результаты исследования касательно основных направлений политики правительств стран ЕС в сфере борьбы с теневой экономикой. На основе анализа политики шести стран — Литвы, Латвии, Эстонии, Польши, Швеции и Чехии — авторы исследования сделали вывод, что

[19] Eurostat. Migration and migrant population statistics. // Евростат. — URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Migration_and_migrant_population_statistics (дата обращения 10.12.2019).

[20] Žukauskas V. Reducing Shadow Economies: From Drivers To Policies.

40% принимаемых мер (51 из 126 рассмотренных мер) направлены на обнаружение, 18% (23 из 126 рассмотренных мер) направлены на регулировку и 17% (22 из 126 рассмотренных мер) направлены на налогообложение. При этом 71% принимаемых мер направлены на обеспечение более строгого соблюдения налоговых правил, а не на облегчение налогового и нормативного бремени. Лишь 10% рассмотренных мер (13 из 126 рассмотренных мер) нацелены на облегчение налогового и нормативного бремени^[21], что, исходя из рассмотренных нами ранее факторов теневой экономики, является ключевым фактором, влияющим на желание или нежелание экономических агентов участвовать во всех видах теневой экономики. В то же время вероятность обнаружения, явно находящаяся в центре внимания правительств данных стран, является, как мы помним, вторичным фактором, не оказывающим существенное влияние на решение экономического актора участвовать или не участвовать в теневой экономике. В связи с этим А. Вейн делает вывод о том, что точность государственной политики в сфере борьбы с теневой экономикой составляет 57%^[22], что является достаточно низким показателем — лишь чуть более половины государственных мер направлены на те факторы, которые действительно влияют на участие экономических акторов в теневой экономике. При этом в государственной политике наблюдается перекоп в сторону повышения издержек участия в теневой экономике вместо снижения издержек легальной

экономической деятельности и повышения ее привлекательности или, иными словами, негативные меры доминируют над позитивными.

Тем не менее, необходимо отметить, что выбор негативных или позитивных мер должен быть в значительной степени детерминирован отношением экономических акторов к участию в теневой экономике, а именно степенью их готовности участия в ней. В этом контексте нам необходимо обратиться к BISEP model, впервые опубликованной в руководящей записке ОЭСР “Compliance Risk Management: Managing and Improving Tax Compliance” (2004 г.) и позднее описанной в информационной записке ОЭСР “Reducing Opportunities for Tax Non-compliance in the Underground Economy” (2012 г.). В рамках данной модели выделяются пять факторов, влияющих на поведение налогоплательщика — бизнес, производство, социальный, экономический и психологический — и рассматривается корреляция между градацией отношения налогоплательщика к соблюдению налогового законодательства и градацией необходимых мер со стороны государства. Согласно данной модели, чем более налогоплательщик склонен соблюдать налоговое законодательство, тем более позитивными должны быть меры, предпринимаемые правительством.

Исходя из данной модели, мы можем сделать вывод о том, что чем более экономические акторы склонны соблюдать налоговое законодательство, тем более государство должно склоняться

[21] Vaine A. Reducing Shadow Economies: From Drivers to Policies / Aneta Vaine. // 4Liberty.eu. — URL: <http://4liberty.eu/reducing-shadow-economies-from-drivers-to-policies/> (дата обращения 10.12.2019).

[22] Ibid.

к позитивным мерам, и наоборот. Следовательно, в абстрактной ситуации, при исключении влияния внешних факторов, мы будем наблюдать постепенное смещение государственной политики от нацеленной преимущественно на негативные меры к нацеленной преимущественно на позитивные меры, вслед за тем как поведение экономических акторов будет меняться от полного уклонения от уплаты налогов до полного соблюдения налогового законодательства. Естественно, данный тренд будет прослеживаться при эффективности государственной политики на каждом из уровней.

Следовательно, прежде чем требовать от правительств стран ЕС изменения политики в пользу более позитивных мер, необходимо оценить, насколько данное изменение обосновано с точки зрения господствующего отношения экономических акторов к соблюдению налогового законодательства. Тем не менее, это выходит за рамки данной статьи и может служить полем для дальнейших исследований.

Меры по борьбе с теневой экономикой, предпринимаемые Еврокомиссией

В настоящий момент борьба с теневой экономикой не только ведется на национальном уровне стран-членов ЕС, но и является одним из направлений политики ЕС. На наднациональном уровне борьба ведется по нескольким основным направлениям:

◆ *борьба с офшорами.* В рамках ЕС разрабатываются проекты взаимодействия стран в вопросе предоставления информации о деятельности транснациональных корпораций, также

составляется «черный список» стран, отказывающихся сотрудничать в данном вопросе (по состоянию на март 2019 г. в данный список входит 15 государств), а также «серый список» стран, налоговые правила которых не соответствуют принятым в ЕС стандартам, но в скором времени будут изменены с целью увеличения прозрачности (по состоянию на 2019 г. в данный список входят 34 государства). В данный момент ключевая для Еврокомиссии задача – выработка нейтральных и общепринятых критериев для внесения государства в тот или иной список. Помимо этого, в 2015 г. Европейским парламентом была утверждена директива Еврокомиссии, согласно которой страны ЕС обязаны сформировать список конечных бенефициаров всех корпораций, включая офшорные зоны, которые подконтрольны определенной стране. Реестр должен включать в себя личные данные реальных собственников компаний. Тем не менее, необходимо отметить, что по состоянию на 2019 г. данное требование было выполнено не всеми странами ЕС, не произошла унификация национальных реестров.

◆ *борьба с уклонением ТНК от уплаты прямых налогов.* В области борьбы с уклонением от уплаты подоходного налога одним из ключевых инструментов является так называемая “Savings Directive” (Директива 2003/48 по налогообложению доходов в виде выплаты процентов). В соответствии с данной директивой, государства должны автоматически обмениваться информацией касательно выплат процентов финансовыми организациями, зарегистрированными на территории

стран ЕС. ЕС также заключил международные соглашения о подобном обмене со Швейцарией, Андоррой, Монако, Сан-Марино и Лихтенштейном. Еще одним важным инструментом является директива 2011/16^[23] по административному сотрудничеству в области налогообложения. В директиву была в дальнейшем внесены поправки (директива 2014/107^[24]), в соответствии с которыми кооперация между налоговыми органами стран ЕС была расширена вплоть до автоматического обмена информацией касательно финансовых счетов. Сотрудничество в рамках данной директивы включает в себя обмен информацией согласно директиве "Savings Directive", а также доход от дивидендов, валовых поступлений от финансовых активов и прочих видов дохода от капитала. Данная директива базируется на OECD Common Reporting Standart, что обеспечивает стандартизацию предоставляемых данных. Директива 2011/16 также предупреждает двойное налогообложение ТНК — согласно данной директиве, государства не имеют права облагать налогом прибыль материнских компаний, полученную от деятельности их дочерних компаний в других странах ЕС.

♦ *борьба с рынком нелегальной рабочей силы.* В первую очередь, речь идет о директивах, направленных на борьбу с использованием нелегальных мигрантов в качестве рабочей силы. Согласно директиве 2009/52^[25], государства имеют право налагать штрафы и возбуждать уголовные дела в отношении работодателей, трудоустраивающих незаконных мигрантов. Другая важная директива в данной области — 2014/36^[26] — регулирует условия трудоустройства мигрантов в качестве сезонных работников. В данной области с 2014 г. также развивается проект создания Европейской Платформы для углубления сотрудничества стран-членов и борьбы с нелегальной работой. В Платформе будут принимать участие национальные органы, действующие в сфере борьбы с теневым рынком рабочей силы. В рамках платформы данные органы будут обмениваться опытом и информацией и координировать трансграничные оперативные мероприятия. Страны-члены ЕС будут обязаны задействовать в рамках данной платформы все свои органы, сферы компетенций которых относятся к данной области.

♦ *гармонизация корпоративного налогообложения* путем создания

[23] The Council of the European Union. Council Directive 2011/16/EU of 15 February 2011 on administrative cooperation in the field of taxation and repealing Directive 77/799/EEC. // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32011L0016&qid=1604438607286> (дата обращения 10.12.2019).

[24] The Council of the European Union. Council Directive 2014/107/EU of 9 December 2014 amending Directive 2011/16/EU as regards mandatory automatic exchange of information in the field of taxation. // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0107> (дата обращения 10.12.2019).

[25] The European Parliament and the Council of the European Union. Directive 2009/52/EC of the European Parliament and of the Council of 18 June 2009 providing for minimum standards on sanctions and measures against employers of illegally staying third-country nationals. // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32009L0052&qid=1604438725415> (дата обращения 10.12.2019).

[26] The European Parliament and the Council of the European Union. Directive 2014/36/EU of the European Parliament and of the Council of 26 February 2014 on the conditions of entry and stay of third-country nationals for the purpose of employment as seasonal workers. // EUR-Lex. — URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32014L0036&qid=1604438762641> (дата обращения 10.12.2019).

«Общей консолидированной базы корпоративного налогообложения» — единого набора правил, которым будут следовать ТНК, ведущие деятельность на территории стран ЕС^[27].

В целом необходимо отметить, что в последнее десятилетие деятельность Европейской комиссии в области борьбы с теневой экономикой значительно активизировалась, причем основной вектор политики Еврокомиссии — гармонизация законодательств, включая налоговое, а также достижение максимальной прозрачности в таких областях, как финансовые операции и деятельность ТНК.

ВЫВОД

Изучение явления теневой экономики является важнейшим направлением развития экономической науки. На сегодняшний день сформировались основные составные части концепта теневой экономики, однако нет консенсуса касательно того, насколько в понятие теневой экономики должна включаться криминальная экономика. Нам подобное включение кажется нерациональным, так как криминальная экономика отличается от теневой с точки зрения мотива акторов и с точки зрения необходимых государственных мер. В целом действия экономических акторов в рамках теневой экономики могут быть разделены на нелегальную работу и занижение данных. На желание населения участвовать в теневой экономике влияет пять ключевых факторов — выгода, отсутствие чувства вины, простота

участия, риск обнаружения в сочетании с тяжестью наказания и отношение к налоговой системе и деятельности налоговых органов. Необходимость борьбы с теневой экономикой во всех ее проявлениях обуславливается ее негативным влиянием на общество в экономическом, социальном и поведенческом аспектах. Специфической чертой теневой экономики как явления является проблематичность проведения конкретных исследований, подсчетов. Тем не менее, на сегодняшний день выработан широкий спектр методов, при комбинации которых возможно получить достаточно точные данные. Основным прямым методом является налоговый аудит, среди косвенных методов наиболее важными являются оценка расхождений между доходами и расходами на рынке товаров и услуг, валютные методы: метода обменного курса валют/метод спроса и метод транзакций — оценка расхождений на рынке труда, оценка потребления электричества и DYMIMIC Model.

Что касается современного состояния теневой экономики в странах ЕС, ее доля в ВВП остается относительно большой — больше, чем в других мировых экономических центрах, что объясняется в первую очередь особенностями европейской экономической модели. В то же время, мы можем наблюдать стабильное снижение доли теневого сектора в ВВП на протяжении продолжительного времени, при этом темпы не имеют тенденции к снижению. Стоит отметить, что для Европы характерна сильная субрегиональная дифферен-

[27] 3. Bitzenis A., Vlachos V., Skiadas D. The legal framework for the shadow economy in the European Union / Aristidis Bitzenis, Vasileios Vlachos, Dimitrios Skiadas. // International Journal Diplomacy and Economy. — 2016. — Vol. 3, Issue 2 — P. 139.

циация с точки зрения объема теневого сектора — в Западной Европе он сравнительно мал, в Южной и Восточной Европе — сравнительно велик. Тем не менее, в странах с большим объемом теневой экономики темпы ее уменьшения значительно выше, в связи с чем мы можем прогнозировать постепенное выравнивание уровня. Что касается отраслевой структуры теневой экономики в странах ЕС, наименее подвержены риску отрасли с высоким уровнем контроля с стороны правительства либо связанные зависимостью от контрактов с покупателями — недвижимость, электричество, здравоохранение и финансовые услуги, в то время как наиболее неблагоприятную ситуацию мы можем наблюдать в первую очередь в строительстве, далее в производстве, розничной продаже, сфере отелей и ресторанов.

На развитие теневой экономики в странах ЕС оказывает особое влияние несколько появившихся сравнительно недавно факторов: вытеснение транзакций в наличности электронными транзакциями, появление новых бизнес-моделей, например, экономики свободного заработка, рост нелегальной трансграничной торговли, обострение проблемы нелегальной занятости в связи с увеличением притока нелегальных мигрантов. Векторы влияния этих факторов различны, и все они должны учитываться правительствами стран ЕС при формировании политического курса в вопросе борьбы с теневой эко-

номикой. В настоящий момент большая часть предпринимаемых мер нацелена на увеличение эффективности обнаружения экономических действий в рамках теневой экономики, за небольшими исключениями, в наиболее подверженных риску отраслях. В целом в политике правительств негативные меры преобладают над позитивными, что нередко является поводом для критики, однако необходимо отметить, что, согласно принятой ОЭСР BISEP model, уклон в сторону негативных или позитивных мер в политике должен определяться состоянием общества, в частности отношением экономических агентов к возможности участия в теневой экономике. В связи с этим для определения степени релевантности предпринимаемых в настоящий момент мер необходимо провести анализ отношения общества к теневой экономике, что создает поле для дальнейших научных исследований.

Меры по борьбе с теневой экономикой в странах ЕС предпринимаются не только на национальном, но и на наднациональном уровне: основными направлениями деятельности Европейской комиссии в данной сфере являются борьба с офшорами, предотвращение уклонения ТНК от уплаты прямых налогов, борьба с рынком нелегальной рабочей силы, в первую очередь за счет выработки правил трудоустройства мигрантов и гармонизации корпоративного налогообложения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Костин А. В. Опыт измерения теневой экономики в западной литературе / А. В. Костин. // Мир экономики и управления. Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. — 2011. — Том. 11, № 4. — С. 33-43.
2. Adair P. Non-Observed Economy vs. the Shadow Economy in the EU: The Accuracy of Measurements Methods and Estimates revisited / Philippe Adair. // 4th OBEGEF Interdisciplinary Insights on Fraud and Corruption. — 2017. November. — 28 p.
3. Bayar Y., Ozturk O. F. Financial Development and Shadow Economy in European Union Transition Economies / Yilmaz Bayar, Omer Faruk Ozturk. // Managing global transitions. 2016. — №14 (2). — P. 157-173.
4. Bitzenis A., Vlachos V., Skiadas D. The legal framework for the shadow economy in the European Union / Aristidis Bitzenis, Vasileios Vlachos, Dimitrios Skiadas. // International Journal Diplomacy and Economy. — 2016. — Vol. 3, Issue 2 — P. 131-143.
5. Emerging from the shadows: the shadow economy to 2025. // The Association of Chartered Certified Accountants (ACCA). — 2017. — 36 p.
6. Feige, E. L. Tax Evasion and Information Distortion / Edgar L. Feige. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — 392 p.
7. Gasparėnienė L., Bilan Y., Remeikienė R., Ginevičius R., Čepel M. The methodology of digital shadow economy estimation / Ligita Gasparėnienė, Yuriy Bilan, Rita Remeikienė, Romualdas Ginevičius, Martin Čepel. // Economics. — 2017. — №4. — P. 20-33.
8. Gutmann P. M. The Subterranean Economy / Peter M. Gutmann // Financial Analysts Journal. — 1977. — Volume 33, Issue 6. — P. 26-27.
9. Kelmanson B., Kirabaeva K., Medina L., Mircheva B., Weiss J. Explaining the Shadow Economy in Europe: Size, Causes and Policy Options. / Ben Kelmanson, Koralai Kirabaeva, Leandro Medina, Borislava Mircheva, Jason Weiss. // IMF Working Paper. — November 2019. — No. 19/278. — 29 p.
10. Reducing Opportunities for Tax Non-compliance in the Underground Economy. — OECD, 2012. — 72 p.
11. Schneider F. Shadow economy in Europe / Friedrich Schneider. // A. T. Kearney. — 2009. — 20 p.
12. Shining Light on the Shadow Economy: Opportunities and Threats. — OECD, 2017. — 60 p.
13. Tanzi V. The Underground Economy in the United States and abroad / edited by Vito Tanzi. — Lexington: D. C. Heath, 1982. — 340 p.
14. Thomas J. Quantifying the Black Economy: 'Measurement without Theory' Yet Again? / Jim Thomas. // Economic Journal. — 1999. — Vol. 109, Issue 456. — P. 381-389.
15. Thomas K. W. Conflict and Conflict Management: Reflections and Update / Kenneth W. Thomas. // Journal of Organizational Behavior. — 1992. — №13. — P. 265-274.
16. Tudose B. M., Clipa R. I. An analysis of the shadow economy in EU countries / Michaela Brindusa Tudose, Raluca Irina Clipa. // CES Working Papers. — 2016. — Volume VIII, Issue 2. — 10 p.
17. Vaine A. Reducing Shadow Economies: From Drivers to Policies / Aneta Vaine. //

- 4Liberty.eu. — URL: <http://4liberty.eu/reducing-shadow-economies-from-drivers-to-policies/> (дата обращения 10.12.2019).
18. Why is cash still king? A strategic report on the use of cash by criminal groups as a facilitator for money laundering. — Europole, 2015. — 54 p.
19. Žukauskas V. Reducing Shadow Economies: From Drivers To Policies / Vytautas Žukauskas. // Lithuanian Free Market Institute. — 2019. — 50 p.

REFERENCES

1. Adair P. Non-Observed Economy vs. the Shadow Economy in the EU: The Accuracy of Measurements Methods and Estimates revisited / Philippe Adair. // 4th OBEGEF Interdisciplinary Insights on Fraud and Corruption. — 2017. November. — 28 p.
2. Bayar Y., Ozturk O. F. Financial Development and Shadow Economy in European Union Transition Economies / Yilmaz Bayar, Omer Faruk Ozturk. // Managing global transitions. 2016. — №14 (2). — P. 157-173.
3. Bitzenis A., Vlachos V., Skiadas D. The legal framework for the shadow economy in the European Union / Aristidis Bitzenis, Vasileios Vlachos, Dimitrios Skiadas. // International Journal Diplomacy and Economy. — 2016. — Vol. 3, Issue 2 — P. 131-143.
4. Emerging from the shadows: the shadow economy to 2025. // The Association of Chartered Certified Accountants (ACCA). — 2017. — 36 p.
5. Feige, E. L. Tax Evasion and Information Distortion / Edgar L. Feige. — Cambridge: Cambridge University Press, 1989. — 392 p.
6. Gasparėnienė L., Bilan Y., Remeikienė R., Ginevičius R., Čepel M. The methodology of digital shadow economy estimation / Ligita Gasparėnienė, Yuriy Bilan, Rita Remeikienė, Romualdas Ginevičius, Martin Čepel. // Economics. — 2017. — №4. — P. 20-33.
7. Gutmann P. M. The Subterranean Economy / Peter M. Gutmann // Financial Analysts Journal. — 1977. — Volume 33, Issue 6. — P. 26-27.
8. Kelmanson B., Kirabaeva K., Medina L., Mircheva B., Weiss J. Explaining the Shadow Economy in Europe: Size, Causes and Policy Options. / Ben Kelmanson, Koralai Kirabaeva, Leandro Medina, Borislava Mircheva, Jason Weiss. // IMF Working Paper. — November 2019. — No. 19/278. — 29 p.
9. Kostin A. V. Opyt izmereniya tenevoj ekonomiki v zapadnoj literature [Measuring shadow economy in Western countries] / A. V. Kostin. // Mir ekonomiki i upravleniya. Vestnik NGU. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki [World of Economics and Management]. — 2011. — Vol. 11, № 4. — P. 33-43.
10. Reducing Opportunities for Tax Non-compliance in the Underground Economy. — OECD, 2012. — 72 p.
11. Schneider F. Shadow economy in Europe / Friedrich Schneider. // A. T. Kearney. — 2009. — 20 p.
12. Shining Light on the Shadow Economy: Opportunities and Threats. — OECD, 2017. — 60 p.
13. Tanzi V. The Underground Economy in the United States and abroad / edited by Vito Tanzi. — Lexington: D. C. Heath, 1982. — 340 p.

14. Thomas J. Quantifying the Black Economy: 'Measurement without Theory' Yet Again? // Jim Thomas. // *Economic Journal*. — 1999. — Vol. 109, Issue 456. — P. 381-389.
15. Thomas K. W. Conflict and Conflict Management: Reflections and Update / Kenneth W. Thomas. // *Journal of Organizational Behavior*. — 1992. — №13. — P. 265-274.
16. Tudose B. M., Clipa R. I. An analysis of the shadow economy in EU countries / Michaela Brindusa Tudose, Raluca Irina Clipa. // *CES Working Papers*. — 2016. — Volume VIII, Issue 2. — 10 p.
17. Vaine A. Reducing Shadow Economies: From Drivers to Policies / Aneta Vaine. // *4Liberty.eu*. — URL: <http://4liberty.eu/reducing-shadow-economies-from-drivers-to-policies/> (дата обращения 10.12.2019).
18. Why is cash still king? A strategic report on the use of cash by criminal groups as a facilitator for money laundering. — Europol, 2015. — 54 p.
19. Žukauskas V. Reducing Shadow Economies: From Drivers To Policies / Vytautas Žukauskas. // *Lithuanian Free Market Institute*. — 2019. — 50 p. *terror-law-crisis-consensus* (access mode 29.04.2020)
20. Rogozhina N. "Islamic Extremism in South-East Asia" // RIAC, January 15, 2016. <https://russiancouncil.ru/en/extremism-asean/> (access mode 28.04.2020)
21. Rucktäschel K. "Tracing Indonesia's Counterterrorism Measures Since the 2002 Bali Bombings" // *The Diplomat*, September 4, 2019. <https://thediplomat.com/2019/09/tracing-indonesias-counterterrorism-measures-since-the-2002-bali-bombings/> (access mode 29.04.2020)
22. Sebastian L. (2003). The ASEAN Response to Terrorism. UNISCI Discussion Papers. №2. P. 1-8. <https://www.redalyc.org/pdf/767/76711296010.pdf> (access mode 28.04.2020) 4. Borelli M. (2017). ASEAN Counter-Terrorism Weaknesses. Counter Terrorist Trends and Analyses. №9. P. 14-20. <https://www.jstor.org/stable/pdf/26351552.pdf?refreqid=excelsior%3A7bf96c0876289dd2203127bf090eb419> (access mode 29.04.2020)

Экономический аспект функционирования института монархии на примере Великобритании, Нидерландов и Лихтенштейна

Василиса Лопатина
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается организация финансирования королевских домов в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, Королевстве Нидерланды и Княжестве Лихтенштейн. Также внимание уделяется правовой стороне направления средств из государственного бюджета на существование монархического института. Автором раскрываются источники финансирования, отдельные статьи доходов и расходов, приводятся данные об объёме выделенных средств за последний финансовый год и сложившихся порядках налогообложения в отношении правящих монархов. Помимо этого, в статье излагаются полномочия монархов рассматриваемых стран и уровень их политического влияния. Интерес представляет тот факт, что странами используются совершенно различные подходы в вопросе материального обеспечения своих правителей. Это обусловлено разными историческими путями формирования государственных институтов в этих странах, а также различиями в значении и функциях суверена на современном этапе. Британская монархия — одна из богатейших в Европе. Королевская семья располагает как государственными средствами, выделяемыми

ми ежегодно, так и частной собственностью и активами. Главным источником дотаций из бюджета являются Владения Короны, фактически переданные монархом в управление органам исполнительной власти более двухсот лет назад. В то же время, средства, выделяемые на королевскую семью в Нидерландах, строго регламентированы. Они распределены между тремя группами целевых расходов, объём финансирования каждой из которых строго ограничен. Также государственные средства выделяются для обеспечения лишь четырёх членов королевской семьи, чьё право на государственное финансирование закреплено в конституции страны. Уникальный случай представляет собой Княжество Лихтенштейн, поскольку правящая фамилия не получает никаких средств на своё существование из бюджета страны. Княжеский дом полностью самообеспечивается за счёт крупных активов, доходов от землевладения и собственного банковского дела. Автором анализируется и выявляется связь между финансовым положением монархов рассматриваемых стран, уровнем их зависимости от государственных ассигнований и осуществляемой ими политической властью.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Великобритания, Нидерланды, Лихтенштейн, монархия, финансирование, бюджет.

Для связи с автором: lopatina-vasilisa@mail.ru

The Economic Aspect of Functioning of Monarchy on the examples of Great Britain, the Netherlands and Liechtenstein

Vasilisa Lopatina
MGIMO University

ABSTRACT

The article deals with the financial organization of the Royal houses in the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland, the Kingdom of the Netherlands and the Principality of Liechtenstein. Attention is also paid to the legal side of allocating funds for the existence of monarchical institution. The author reveals the sources of funding, individual items of income and expenses, provides data on the amount of funds allocated for the last financial year and the current taxation procedures in relation to the reigning monarchs. In addition, the article describes the powers of the monarchs of the countries in question and the level of their political influence. Of interest is the fact that countries adopt completely different approaches to the issue of material support for their rulers. This is due to the different historical ways of forming state institutions in these countries, as well as the significance and functions of the sovereign at the present stage. The British monarchy is one of the richest in Europe. The Royal family has both public funds allocated annually and private

property and assets. The main source of subsidies from the budget is the Crown Estate, which was actually transferred by the monarch to the executive authorities more than two hundred years ago. At the same time, funds allocated to the Royal family in the Netherlands are strictly regulated. They are distributed among three groups of expenditures, the amount of funding for each of which is strictly limited. Public funds are also allocated to provide for only four members of the Royal family, whose right to public funding is enshrined in the country's Constitution. The Principality of Liechtenstein is a unique case, since the ruling family does not receive any funds for its existence from the country's budget. The princely house is completely self-sufficient due to large assets, income from land ownership and its own banking business. The author analyzes and reveals the relationship between the financial situation of the monarchs of the countries under consideration, their level of dependence on state allocations and the political power they exercise.

KEYWORDS

Great Britain, Netherlands, Liechtenstein, monarchy, financing, budget.

Contact the author via: lopatina-vasilisa@mail.ru

Время от времени в тех или иных странах Европы с монархической формой правления поднимается вопрос об упразднении этого института как устаревшего и не соответствующего демократическим ценностям.^[1] Одним из важнейших вопросов в этом контексте становится форма и количественное измерение финансирования правящей династии. Под сомнение ставится необходимость выделения бюджетных средств, практически полностью формирующихся за счёт налогоплательщиков, на существование ненужного института.

Страны с монархической формой правления разделяются на несколько типов (абсолютная, дуалистическая и парламентская), однако внимание исследователей практически не уделяется вопросу разнообразия форм финансирования королевских домов в различных странах. Цель исследования – сопоставить финансовое положение нескольких правящих монархов и рассмотреть их в связи с уровнем политической власти и влиянием монаршего института.

Для исследования выбраны монархии Великобритании, Нидерландов и Лихтенштейна, поскольку все три относятся к конституционным (или пар-

ламентским), но способы поддержания их существования в значительной степени различаются. Сильные отличия имеются и в юридических полномочиях и реальном влиянии суверенов этих стран.

Механизм финансирования британской королевской семьи упоминается в статье И. Г. Ковалёва^[2] и рассматривается в связи с начавшимся в начале века процессом модернизации некоторых британских государственных институтов, в том числе и монархического. Автор подчёркивает остроту проблемы финансирования и кратко описывает меры, предпринятые в этой сфере коалиционным правительством в 2010 – 15 гг.

Теоретическое обоснование и историческая ретроспектива экономической базы монархии представлена в одном из эссе в сборнике «Democracy: The God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order».^[3] Автор раскрывает природу права монарха в отношении земли и недвижимости, а также отрицательные и положительные стороны этого права. Теория подкреплена примерами монархических государств, существовавших с конца XVIII века и до конца Первой мировой войны. В эссе прослеживается

[1] Антимонархисты Британии выступают за референдум о судьбе монархии. // РИА Новости. 2016. 20 апр. — URL: <https://ria.ru/20160420/1415821565.html> (дата обращения: 12.05.2020); Majority say Royals should pay for UK trips according to YouGov poll // Republic. — URL: <https://www.republic.org.uk/what-we-do/news-and-updates/majority-say-royals-should-pay-uk-trips-according-yougov-poll> (дата обращения: 12.05.2020); Charles and Camilla's Canadian tour marred by bloody anti-monarchist riot. // Daily Mail News. 2009. 11 November, — URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-1226812/Charles-Camillas-Canadian-tour-marred-bloody-anti-monarchist-riot.html> (дата обращения: 12.05.2020); Dozens of Spanish cities march in protest against monarchy. // Russia Today. 2014. 8 June. — URL: <https://www.rt.com/news/164556-spain-monarchy-protest-madrid/> (дата обращения: 12.05.2020); Petition calls for referendum on scrapping Luxembourg monarchy. // Luxembourg Times. 2016. 6 September. — URL: <https://luxtimes.lu/archives/5226-petition-calls-for-referendum-on-scrapping-luxembourg-monarchy> (дата обращения: 12.05.2020).

[2] Ковалёв И. Г. Британская монархия: Современная роль и проблема модернизации / И. Г. Ковалёв. // «Политика и Общество». — 2015. — №4. — С. 495-505.

[3] Hoppe, H. Democracy: The God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order / Hans-Hermann Hoppe. — New Jersey, 2001.

сокращение полномочий монарха в XIX веке при одновременном увеличении участия граждан в политической жизни в результате электоральных реформ. Однако данная работа представляет собой скорее экономическую историю, содержит лишь отдельную информацию по теме и проиллюстрирована примерами из прошлых столетий.

Великобритания. Средства, на которые существует британская королевская семья в целом и монарх в частности, можно разделить на две группы – выплаты со стороны государства и личные доходы.

1. Официальные расходы королевы покрываются за счёт государственного бюджета, за что британский монарх отдаёт в управление независимого органа Владения Короны (the Crown Estate). Владения Короны – это совокупность земель и владений в Великобритании, в отношении которых британский суверен выполняет номинальную роль владельца, однако на практике ими управляет независимая структура (The Crown Estate Commissioners), а доходы передаются в Казначейство Её Величества. Такая практика сложилась во второй половине XVIII века, когда бремя расходов, связанное с управлением государством и лежащее на монархе, сильно возросло и стало непосильно для короля. В результате было заключено соглашение, по которому управление королевскими землями и недвижимостью осуществлялось от имени правительства, за что король освобождался от обязанности финансировать работу государственных учреждений и по-

лучал фиксированную сумму на своё содержание, официально названную Цивильным листом. Владения Короны в их современной форме были установлены Актами 1956 и 1961 годов.^[4] Сегодня они включают городскую недвижимость, сельскохозяйственные и лесные земли, более половины береговой полосы Великобритании, ветряные электростанции, Эскотский ипподром, Большой Виндзорский парк.^[5] Каждый последующий британский монарх подтверждал приверженность данному соглашению.

Однако система финансирования монархии была довольно сложна, средства на неё поступали из нескольких источников. Так, работа королевского двора и канцелярии обеспечивались Казначейством, путешествия оплачивались министерством транспорта, затраты в сфере коммуникаций и информации, а также содержание королевских резиденций – министерством культуры и спорта. Это затрудняло учёт. К тому же, Цивильный лист должен был обсуждаться и приниматься Парламентом каждые 10 лет, что сопровождалось серьёзными прениями.

С 1 апреля 2012 начал функционировать новый механизм выделения дотаций на королевский дом. В соответствии с Актом о Королевском гранте (2011), ежегодно на содержание монархии выделяется фиксированный процент от доходов Владения Короны за два финансовых года до года выплаты дотации. До финансового года 2017-18 он составлял 15%, затем было принято решение о его повышении до

[4] Crown Estate Act, 1961. / The Crown Estate's website. — URL: <https://www.thecrownestate.co.uk/media/3064/the-crown-estate-act.pdf> (дата обращения: 05.05.2020).

[5] The Crown Estate's website. — URL: <https://www.thecrownestate.co.uk/en-gb/our-places/> (дата обращения: 05.05.2020).

25% в связи с необходимостью проведения работ в Букингемском дворце, запланированных на ближайшие десять лет.^[6] Вопрос о сохранении или же изменении процентной доли рассматривается каждые пять лет Королевскими попечителями (the Royal Trustees) в составе премьер-министра, канцлера казначейства и хранителя Личного кошелька (the Privy Purse).

Королевский грант покрывает расходы, связанные с исполнением монархом своих обязательств перед страной, включая:

- ◆ оплату работы персонала и служащих;
- ◆ государственные визиты;
- ◆ общественные мероприятия;
- ◆ содержание королевского двора (The Royal Households);
- ◆ расходы на транспорт и безопасность;
- ◆ обслуживание недвижимости.

Все неизрасходованные средства Королевского гранта направляются в резервный фонд для дальнейшего использования.

На 2019 – 20 финансовый год Грант составил 82,4 млн ф.ст., то есть 25% от 329,4 млн ф.ст. дохода Владений короны за 2017 – 18 год. Из них 33 млн ф.ст. будет направлено на работы в Букингемском дворце, на которые в ближайшие пять лет предполагается выделить всего 85 млн ф.ст.

2. Личные доходы королевы, получаемые от инвестиций и собственности, идут

на покрытие персональных расходов. В личном владении королевы находятся замок Балморал и Сандрингемский дворец, унаследованные ею от отца. Важно отметить, что королевские резиденции, большая часть королевской художественной коллекции и королевских ювелирных изделий используются королевой на правах суверена. Они не могут быть проданы и будут переданы преемнику королевы на престоле.

Личный доход британского монарха называется Личным кошельком. Его основой является герцогство Ланкастерское, находящееся в личном владении королевы (она имеет титул герцога Ланкастерского) и передающееся из поколения в поколение с 1399 года. Герцогство насчитывает около 200 км² земли и 306 км береговой линии, на его территории располагается десять замков. В 2018 нераспределённая прибыль составила 20,2 млн ф.ст. Общая стоимость капитала оценена в 533,8 млн ф.ст.^[7] Чистый доход от земель и собственности передаётся хранителю Личного кошелька и используется королевой. В частности, часть этих доходов идёт на содержание королевской семьи, поскольку лишь королева и её супруг получают государственные средства. Управление герцогством и его финансовыми активами возложено на канцлера герцогства и совет.

Несмотря на то, что официально монарх не обязан платить налог на прибыль, на доход от капиталов и на наследство, с 1993 королева Елизавета II и её сын, принц

[6] Sovereign Grant Act 2011: guidance. // The UK Government website. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/sovereign-grant-act-2011-guidance/sovereign-grant-act-2011-guidance> (дата обращения: 25.03.2020).

[7] Duchy of Lancaster. Report and Accounts. — URL: https://www.duchyoflancaster.co.uk/wp-content/uploads/2019/07/2019-final-DUC_RepAcc.pdf (дата обращения: 10.05.2020).

Уэльский добровольно взяли на себя эти обязательства.^[8] Порядок выплаты ими налогов регулируется специальным документом.^[9]

Реальной властью британский монарх не обладает. Такие prerogatives, как назначение премьер-министра, подписание и вето законов, вопросы войны и мира являются условными. И всё же королева и королевская семья имеют значительное влияние в Содружестве наций, также они играют несомненную консолидирующую роль символа в британском обществе. Так, по опросам общественного мнения, проведённого в 2016 году, три четверти населения выступают за монархическую форму правления в своей стране, такое же количество британцев (76%) считает, что монархия будет продолжать играть важную роль в будущем Великобритании.^[10] Помимо этого, согласно оценке независимого бренд-консалтинга «Brand Finance», монархия как бренд даёт стране почти 70 млрд фунтов стерлингов, при средней трате каждого британца на неё 4,5 ф.ст. в год.^[11]

Нидерланды. Король Нидерландов, его супруга и достигшая совершеннолетия наследница, а также отрекшаяся от престола королева Беатрикс получают дотации из бюджета в соответствии со ст.40 Конституции. Более конкретно

условия содержания королевской семьи изложены в Законе от 22 ноября 1972 года, регулирующем финансовое положение королевского двора.

Королевский бюджет состоит из трёх статей:^[12]

1. Конституционное пособие, формирующееся из двух компонентов

◆ Фиксированные выплаты, рост которых происходит соразмерно росту заработной платы государственных служащих.

◆ Расходы на личный персонал и материальные расходы. Половина этого компонента растёт соразмерно заработной плате государственных служащих, половина — росту уровня цен.

2. Функциональные расходы Включают расходы, необходимые членам королевского дома для выполнения своих обязанностей: работа канцелярии, персонал, проезд, посещение Карибской части королевства, проживание и питание.

3. Расходы, средства на которые начислены из иных бюджетов В них входит содержание Информационной службы, Военного двора (отвечает за безопасность при организации мероприятий и неполитические контакты с министерство обороны), Кабинета короля (связь с членами правитель-

[8] Sovereign Grant Act 2011: guidance. Tax. // The UK Government website. — URL: <https://www.gov.uk/government/publications/sovereign-grant-act-2011-guidance/sovereign-grant-act-2011-guidance#tax>, (дата обращения: 25.03.2020).

[9] Memorandum of Understanding on Royal Taxation. // The UK Government website. — URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/208633/mou_royal_taxation.pdf (дата обращения: 25.03.2020)

[10] McCarthy N. Britain's Monarchy: More Popular Than Ever / Niall McCarthy. // Statista. — URL: <https://www.statista.com/chart/4700/britains-monarchy-more-popular-than-ever/> (дата обращения: 10.05.2020).

[11] Valued at £67 Billion, the Monarchy is Britain's Greatest Treasure. // BrandFinance. — 2017. — 20 November. — URL: <https://brandfinance.com/news/press-releases/valued-at-67-billion-the-monarchy-is-britains-greatest-treasure/> (дата обращения: 12.05.2020).

[12] The King's budget. // The Royal House of the Netherlands website. — URL: <https://www.royal-house.nl/topics/finances-of-the-royal-house/the-king%E2%80%99s-budget> (дата обращения: 20.03.2020).

ства и ответы на петиции граждан).

Общие расходы королевского бюджета на 2020 год составят 44 362 000 евро. Из них по первой статье – 29,6 млн евро, второй – 8,5 млн, третьей – 6,2 млн.^[13]

В связи с достижением совершеннолетия принцессой Оранской, с 2021 начнутся выплаты в её пользу в качестве наследницы. В 2021 году их сумма составит 107 тыс. евро, а в 2022 – 1,59 млн евро.

Имущество, которым располагает королевский дом, делится на три категории:

1. Дворцы и недвижимость

Три дворца, которым могут пользоваться члены фамилии, не являются их собственностью, с 1795 года они принадлежат государству. Раньше монархи имели в личном владении ещё некоторые земли и две резиденции, однако земли были переданы в дар стране в 1959, а дворцы проданы государству (1970) и муниципалитету Гааги (1990-е).

2. Движимое имущество. Картины, ювелирные украшения и исторические артефакты принадлежат Оранскому дому. Для их сохранения учреждены два фонда (Het archief van het Huis Oranje-Nassau, Stichting Historische Verzamelingen van het Huis Oranje-Nassau).^[14] Королевские регалии также находятся под охраной специального фонда (the Crown Property Trust). Часть ценных вещей предоставлена для экспозиций в ряде музеев.

3. Королевские архивы. Эта категория включает в себя личные архивы,

библиотеку, фотографии и произведения искусства. Архивы обслуживаются королевским двором и хранятся в дворце Нордейнде.

Содержание, получаемое членами королевского дома от государства, а также иные средства, предоставленные им для исполнения обязанностей, не подлежат налогообложению. Кроме того, любые ценности, полученные Королем или наследником престола от какого-либо члена королевского дома по наследству или акту дарения, освобождаются от налогов на наследство, дарение или переуступку прав. При этом Король из собственных средств платит подоходный налог и налог на прирост капитала.

Что касается политической власти, то у короля Нидерландов она сильно ограничена. Правительство состоит из короля и министров, однако король не несёт ответственность за его деятельность. Формально королём назначаются премьер и другие министры, а также государственные секретари. Все акты парламента подлежат подписи короля. На открытии заседания парламента король даёт присягу и клянётся «всегда соблюдать и защищать конституцию».^[15] Помимо этого, король произносит ежегодные речи, где выражает общий курс развития страны, а также выполняет представительские функции в международных отношениях.

Стоит отметить, что влияние нидерландского монарха в своей стране всё

[13] Begroting van de Koning. // Het Koninklijk Huis. — URL: <https://www.koninklijkhuis.nl/onderwerpen/financien-koninklijk-huis/begroting-van-de-koning> (дата обращения: 09.05.2020).

[14] Archieven. // Koninklijke Verzamelingen. — URL: <https://www.koninklijkeverzamelingen.nl/archieven> (дата обращения: 15.05.2020).

[15] Конституция Королевства Нидерландов. // Правовая библиотека legalns.com. — URL: <https://legalns.com/download/books/cons/netherlands.pdf> (дата обращения: 12.05.2020).

больше снижается, а поддержка монархии стремительно падает: ещё в 2008 она составляла 80%, а к 2016 опустилась до 65%.^[16] Однако королевский дом всё ещё остаётся привлекательным брендом, что каждый раз наблюдается в «День короля» — ежегодное празднование дня рождения монарха, ставшее аналогом дня национального единства. Торжественные мероприятия и «свободные рынки» устраиваются по всей стране, привлекая к участию не только большинство населения, но и значительное число туристов.

Лихтенштейн. С точки зрения финансирования института монархии Княжество Лихтенштейн является уникальным примером. Это единственное европейское государство с монархической формой правления, в котором правящая семья не финансируется из государственных средств, а существует совершенно автономно. При этом этот княжеский дом является одной из богатейших фамилий в Европе.

Фонд цу Лихтенштейны обладают портфелем акций в различных сферах, включающих сельскохозяйственные и лесоперерабатывающие компании, промышленные холдинги, и владеют значительными объёмами недвижимости. Им же принадлежит LGT Group, специализирующаяся в частном банкинге и управлении недвижимостью. LGT Банк уже представлен более чем в 20 точках мира и завоевал ряд престижных международных наград (2019 — звание «Лучшего альтернативного частного

банка» от The Financial Times Group и журнала “The Banker”. 2020 — «Лучший небольшой частный банк в мире» от “Global Finance Magazine”). За 2019 год доход LGT Group составил 308,1 млн швейцарских франков.^[17]

Управлением компаниями и хранением богатой коллекции искусства занимается Фонд Княжеской семьи (the Foundations of the Princely Family). В его ведомстве находятся дворцы, фермы, лесные предприятия, виноградники и электростанции.

Примечательно, что князь Лихтенштейна обладает довольно большим политическим весом и может реально влиять на положение дел в стране. Ему принадлежит право законодательной инициативы и помилования. Князь и другие члены семьи, исполняющие государственные обязанности, не подлежат уголовной юрисдикции. Закон, одобренный парламентом, но не подписанный князем в течение шести месяцев, не вступает в силу. Несмотря на то, что существует процедура вынесения правящему князю вотума недоверия (для этого необходимы подписи 1500 граждан), а также возможность упразднения монархии как таковой, что закреплено в конституции страны, действующая форма правления пользуется широкой поддержкой. Это было продемонстрировано на референдуме 2003 г., по результатам которого полномочия суверена были расширены (65% голосов за при явке 86%)^[18]: теперь князь имеет право отправлять в отставку

[16] Draagvlak voor monarchie daalt fors. // NOS. — URL: <https://nos.nl/artikel/2101607-draagvlak-voor-monarchie-daalt-fors.html> (дата обращения: 20.05.2020).

[17] LGT official website. — URL: <https://www.lgt.at/en/about-us/company-profile/facts-and-figures/> (дата обращения: 20.04.2020).

[18] Principality of Liechtenstein. // Election Guide. — URL: <http://www.electionguide.org/results.php?ID=326> (дата обращения: 10.05.2020).

правительство, назначать судей и ветоировать законопроекты.^[19]

С целью компаративного анализа уровня реализуемой монархом власти была составлена следующая таблица, в которой представлены декларированные конституцией или же основанные

на прецеденте и статутном праве основные полномочия монархов рассматриваемых стран. Вычислив долю полномочий, используемых правителем в своём правлении, соотносим их с долей государственного финансирования в доходах монарха за 2020 год.^[21]

Таблица 1

ФУНКЦИИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА, РЕАЛИЗУЕМЫЕ МОНАРХАМИ

Страны Полномочия	Велико- британия	Нидерланды	Лихтенштейн
Право законодательной инициативы	Нет	Нет	Да
Законодательное вето	Нет	Нет	Да
Право досрочного роспуска парламента	Да ^[20]	Нет	Нет
Назначение и отстранение премьер-министра и кабинета	Нет	Нет	Да
Издание нормативных правовых актов исполнительной власти	Нет	Нет	Да
Принятие отставки правительства	Да	Да	Да
Назначение судей	Нет	Нет	Да
Консигнатура	Да	Да	Да
Доля от перечисленных полномочий	0,375	0,25	0,875

Составлено на основе: Лучин Г. А., Василевич А. С., Прудников и др. Конституционное право зарубежных стран: учебник – М.: Юнити, 2015. – 727 С. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115394> (дата обращения: 21.11.2020). – Режим доступа: по подписке; Осавелюк А. М. Конституционное право зарубежных стран : учебное пособие / А. М. Осавелюк. – М.: Юнити, 2015. – 511 С. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115395> (дата обращения: 21.11.2020). – Режим доступа: по подписке)

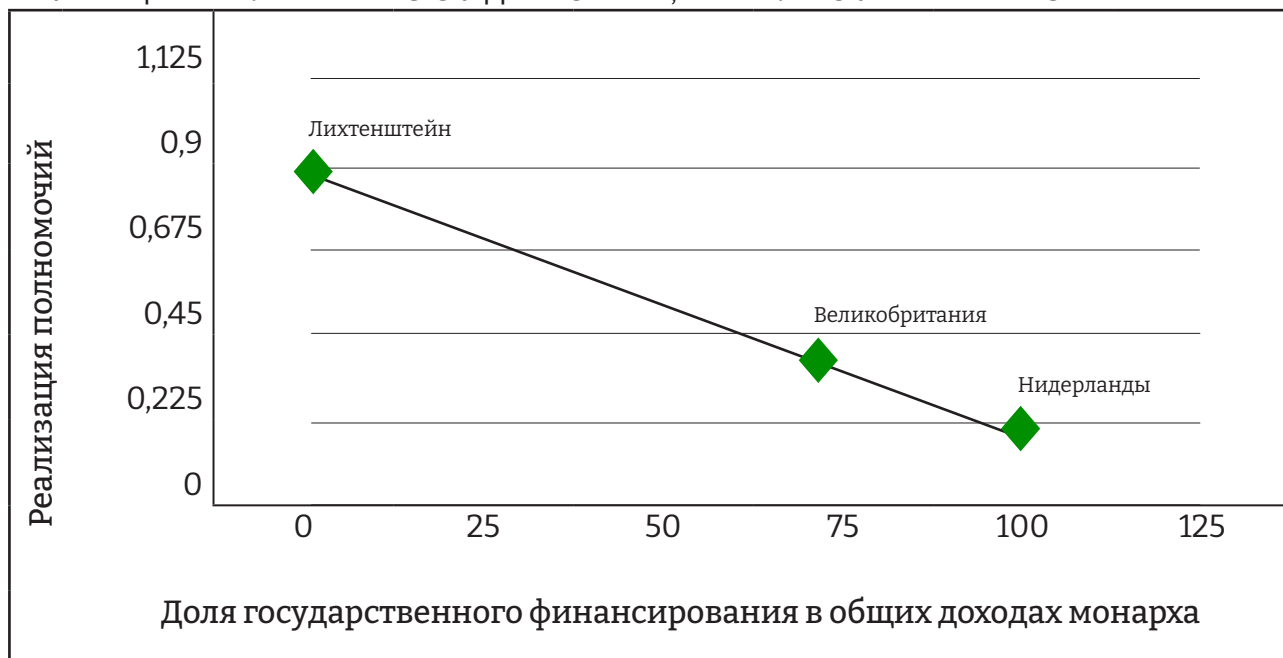
[19] Rollen und Aufgaben im Staat. // Offizielle Internetseite des Fürstenhauses. – URL: <https://www.fuerstenhaus.li/de/monarchie/rollen-und-aufgaben-im-staat/> (дата обращения: 20.04.2020).

[20] Было применено в 1974 году, однако с момента принятия Акта о фиксированном сроке парламента (2011) реализация этого права стала невозможна

[21] При расчёте доли государственных ассигнований британскому монарху не учитываются средства, предназначенные на работы в Букингемском дворце.

Рисунок 1

ФУНКЦИИ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА, РЕАЛИЗУЕМЫЕ МОНАРХАМИ

Построенный регрессионный график демонстрирует, что в отношении трёх рассматриваемых стран наблюдается тенденция увеличения зависимости монарха от государственных дотаций при уменьшении его роли в государственном управлении.

Несомненно, анализ выявленной тенденции следует проводить через призму социально-культурных, исторических и правовых особенностей каждого из трёх государств, поскольку данная зависимость не может быть объяснена одним фактором.

Британская монархия начала оформляться в начале второго тысячелетия и прошла длинный эволюционный путь. Особый отпечаток на её положение в системе государственного управления наложил характер правовой системы страны, основанной на прецедентах, и отсутствие писаной конституции.

В отношении рассматриваемой проблемы финансирования это опре-

делило гибкость и разнообразие форм этого механизма, и вариативность источников дохода королевской семьи. Значительные изменения произошли за последние два десятилетия, когда ряд государственных институтов Великобритании подвергся реформам, коснувшимся и монархии. Королева, исторически лично владеющая значительной собственностью, а потому имеющая постоянный и независимый источник дохода, собственным решением пошла по пути дальнейшего уменьшения финансирования своей семьи. В то же время, как было отмечено выше, несмотря на незначительное влияние на политический процесс внутри страны, монархия остаётся важным атрибутом и символом страны, а также приносит значительные прибыли в сфере туризма, что объясняет довольно крупные средства, выделяемые государством на её содержание.

Как отмечают авторы ста-

тии «Некоторые особенности монархического правления в Нидерландах»^[22], нидерландская монархия была обречена на ограниченный характер с самого момента своего появления, поскольку создавалась механически при уже существующем парламенте (Генеральных штатах). Именно поэтому независимые Нидерланды не проходили через этап абсолютного монархического правления. Помимо этого, монархический институт был призван объединить несколько частей королевства, что подразумевало аполитичность и нейтральность правителя. Чётко прописанное положение монарха и строгая регламентация его деятельности проявляется и в отношении королевских финансов. Как было описано выше, право Короля на финансовое обеспечение закреплено конституцией, а статьи расходов отнесены к конкретным группам с ограниченным бюджетом.

Абсолютную финансовую независимость и сильную политическую власть князя Лихтенштейна можно объяснить рядом факторов. В течение многих поколений князья не были постоянно связаны с названным их именем государством. Впервые представитель династии посетил своё княжество в 1842 г., и только в 1938 г. правящий князь перенёс постоянную резиденцию из Вены в Вадуц. Таким образом, фон унд цу Лихтенштейны

оставались фактически оторванными от государственных органов и не были вплетены в систему перераспределения средств. Это же и обусловило экономическую активность княжеского дома, создававшего своё состояние из источников, не связанных с государственными структурами и страной. В связи с обозначенными историческими обстоятельствами кажется парадоксальной та власть, которой наделён князь. Однако стоит отметить, что современные полномочия монарха были оформлены Конституцией 1921 г. и рядом поправок к ней, то есть после начала активного участия князя в государственном управлении.

Несмотря на высокий рейтинг Лихтенштейна в отношении свободы и демократии, многими исследователями отмечается сомнительный характер политической системы княжества с точки зрения демократического правления.^[23] Ряд работ отмечает связь между политическим влиянием князя и размером государства. Отмечается, что политическая система небольших и карликовых государств характеризуется ориентированностью на определённую личность, недостатком анонимности, консервативностью.^[24] В случае Лихтенштейна, данные характеристики накладываются на недоверие населения политикам и ассоциацию им княжеского дома

[22] Морре Х., Каримов Д. А., Роверс Н. Некоторые особенности монархического правления в Нидерландах / Хильде Морре, Д. А. Каримов, Нильс Ровер. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2010. — №2. — С. 60–65. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-monarhicheskogo-pravleniya-v-niderlandah> (дата обращения: 20.11.2020).

[23] Corbett J. Why monarchy persists in small states: the cases of Tonga, Bhutan and Liechtenstein / Jack Corbett. // Портал ResearchGate.com. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/304568627_Why_Monarchy_Persists_in_Small_States_The_Cases_of_Tonga_Bhutan_and_Liechtenstein (дата обращения 21.11.2020).

[24] Veenendaal W. P. A Big Prince in a Tiny Realm: Smallness, Monarchy, and Political Legitimacy in the Principality of Liechtenstein / Wouter P. Veenendaal. // Swiss Political Science Review. — 2015. — Issue 21(2). — P. 333–349. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/spsr.12138> (дата обращения: 19.11.2020).

с фактом существования государства.^[25] Изложенные обстоятельства, а также финансовая автономность дают правящему князю возможность расширять свои полномочия и активно их использовать.

На основании исследования можно сделать вывод о том, что системы финансирования монархов в рассмотренных странах имеют совершенно разную структуру и основываются на разных принципах. Это разнообразие объясняется сложившимися обычаями, ролью суверена, уровнем доверия к нему и его семье. Так, положение британского монарха определяется его наследуемым титулом (герцог Ланкастерский), приобретениями, сделанными его предшественниками в течение последних восьми веков, трансформацией отношений с законодательной и исполнительной властями в лице парламента и безусловной широкой поддержкой среди населения как Британских островов, так и государств Содружества. Совсем иную ситуацию мы можем наблюдать в Нидерландах: здесь монархическая форма правления имеет более короткую историю (чуть более 200 лет существования непосредствен-

но титула «король»), в отличие от Британии, правитель не является крупным собственником, его расходы строго ограничены конкретными статьями, также сведено к минимуму число членов королевской семьи, поддерживающихся государством. Княжеский дом в Лихтенштейне имеет особый исторический путь с момента своего появления в XII веке, переговоров с Императором о своём представительстве в Рейхстаге Священной Римской империи и до сегодняшнего дня. Решающими факторами в процессе формирования существующего независимого положения князей стали размер и местоположение их государства, а также особенности политической системы Лихтенштейна.

Таким образом, прослеживается связь между финансовым положением монархов рассматриваемых стран, уровнем их зависимости от государственных ассигнований и осуществляемой ими политической властью. Важно отметить, что в каждом из государств причины данной связи обусловлены набором индивидуальных исторических, политических и социокультурных характеристик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ковалёв И.Г. Британская монархия: Современная роль и проблема модернизации / И. Г. Ковалёв. // «Политика и Общество». — 2015. — №4. — С. 495-505.
2. Лучин Г. А., Василевич А. С., Прудников и др. Конституционное право зарубежных стран: учебник – М.: Юнити, 2015. – 727 С. — URL: <https://biblioclub.ru/index>.

[25] Veenendaal W. P. A Big Prince in a Tiny Realm: Smallness, Monarchy, and Political Legitimacy in the Principality of Liechtenstein.

- php?page=book&id=115394 (дата обращения: 21.11.2020). — Режим доступа: по подписке.
3. Морре Х., Каримов Д. А., Роверс Н. Некоторые особенности монархического правления в Нидерландах / Хильде Морре, Д. А. Каримов, Нильс Ровер. // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. — 2010. — №2. — С. 60–65. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-monarhicheskogo-pravleniya-v-niderlandah> (дата обращения: 20.11.2020).
 4. Осавелюк А. М. Конституционное право зарубежных стран: учебное пособие / А. М. Осавелюк. — М.: Юнити, 2015. — 511 с. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115395> (дата обращения: 21.11.2020). — Режим доступа: по подписке.
 5. Corbett J. Why monarchy persists in small states: the cases of Tonga, Bhutan and Liechtenstein / Jack Corbett. // Портал ResearchGate.com. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/304568627_Why_Monarchy_Persists_in_Small_States_The_Cases_of_Tonga_Bhutan_and_Liechtenstein (дата обращения 21.11.2020).
 6. Hoppe, H. Democracy: The God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order / Hans-Hermann Hoppe. — New Jersey, 2001. — 304 p.
 7. Valued at £67 Billion, the Monarchy is Britain's Greatest Treasure. // BrandFinance. — 2017. — 20 November. — URL: <https://brandfinance.com/news/press-releases/valued-at-67-billion-the-monarchy-is-britains-greatest-treasure/> (дата обращения: 12.05.2020).
 8. Veenendaal W. P. A Big Prince in a Tiny Realm: Smallness, Monarchy, and Political Legitimacy in the Principality of Liechtenstein / Wouter P. Veenendaal. // Swiss Political Science Review. — 2015. — Issue 21(2). — P. 333–349. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/spsr.12138> (дата обращения: 19.11.2020).

REFERENCES

1. Corbett J. Why monarchy persists in small states: the cases of Tonga, Bhutan and Liechtenstein / Jack Corbett. // ResearchGate.com. — 2016. — URL: https://www.researchgate.net/publication/304568627_Why_Monarchy_Persists_in_Small_States_The_Cases_of_Tonga_Bhutan_and_Liechtenstein (access date: 21.11.2020).
2. Hoppe, H. Democracy: The God that Failed: The Economics and Politics of Monarchy, Democracy, and Natural Order / Hans-Hermann Hoppe. — New Jersey, 2001. — 304 p.
3. Kovalyov I.G. Britanskaya monarhiya: Sovremennaya rol' i problema modernizacii [Modern Pole and Issue of Modernization] / I. G. Kovalyov. // «Politika i Obshchestvo» [Politics and Society]. — 2015. — №4. — P. 495–505.
4. Luchin G. A., Vasilevich A. S., Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran: uchebnik [Constitutional law of foreign countries: study book]. — Moscow: Unity, 2015. — 727 p. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115394> (access date: 21.11.2020). — Access mode: subscription.
5. Morre H., Karimov D.A., Rovers N. Nekotorye osobennosti monarhicheskogo pravleniya v Niderlandah [Some Features of the Monarchical Rule in the

- Netherlands] / Hilda Morre, D. A. Karimov, Niels Rovers. // Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskemu zhurnalu [Electronic Supplement to the Russian Law Journal] — 2010. — №2. — P. 60–65. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-monarhicheskogo-pravleniya-v-niderlandah> (access date: 20.11.2020)
6. Osavelyuk A. M. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran : uchebnoe posobie [Constitutional law of foreign countries: study book] / A. M. Osavelyuk. — Moscow: Unity, 2015. — 511 p. — URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=115395> (access date: 21.11.2020). — Access mode: subscription.
 7. Valued at £67 Billion, the Monarchy is Britain's Greatest Treasure. // BrandFinance. — 2017. — 20 November. — URL: <https://brandfinance.com/news/press-releases/valued-at-67-billion-the-monarchy-is-britains-greatest-treasure/> (access date: 12.05.2020).
 8. Veenendaal W. P. A Big Prince in a Tiny Realm: Smallness, Monarchy, and Political Legitimacy in the Principality of Liechtenstein / Wouter P. Veenendaal . // Swiss Political Science Review. — 2015. — Issue 21(2). — P. 333–349. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/spsr.12138> (access date: 19.11.2020).

«А без денег судье лошади не брать»: фогты Нарвы и русско-ливонская торговля лошадьми в XV веке

Валентина Якунина
НовГУ

РЕЗЮМЕ

Поскольку деятельность фогтов Ливонского ордена, в первую очередь, была ориентирована на решение двух задач — поддержание обороноспособности пограничной крепости и обеспечение оптимальных условий для развития международной торговли Нарвы, то в рамках реализации этих задач фогты занимались вопросами русско-ливонской торговли, в том числе и следили за исполнением запретов верховного магистра на продажу стратегически важных товаров, чаще всего лошадей. В период обострения русско-ливонских отношений магистры запрещали торговлю «крупными» лошадьми, т.е. теми, которые могли быть использованы в военных целях. Однако источники свидетельствуют о постоянных нарушениях орденских запретов, причем не только русскими и ливонскими купцами, но и представителями городских властей, в частности Ревеля. В связи с этим фогты Нарвы обладали достаточно широкими полномочиями и имели право задержать лошадей (как и иные товары, если те были запрещены к продаже в Россию), в случае, если купцы не облада-

ли специальными грамотами, разрешающими их вывоз. Однако даже при наличии таких грамот фогт мог оставить лошадь в Ливонии, если находил ее пригодной для военных целей. Учитывая, что кроме установленной максимально допустимой цены за вывозимую лошадь иного официального критерия не было, то часто лошади, приобретенные в Ревеле, оставались на границе, а сделки аннулировались. На сегодняшний день вопрос участия фогтов Нарвы в системе русско-ливонских торговых взаимоотношений фактически не затронут исследователями. В статье дается характеристика роли фогтов в торговле лошадьми с Россией, а также прослеживается динамика развития орденских запретов на протяжении XV века. Основываясь на материалах Таллиннского городского архива (фонд 230, BB 52 I, BD 8), автор приходит к выводу, что значимая роль фогтов в русско-ливонской торговле была обусловлена не только приграничным положением города, но и особыми взаимоотношениями, установившимися между Ливонским орденом и Нарвой в XV веке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Фогт, Нарва, Ревель, Ливонский орден.

Для связи с автором: valjajastrebova@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ, проект № 19-18-00183

“And without money the judge could not take a horse”: The Bailiffs of Narva and Livonian-Russian Horse Trade in the 15th Century

Valentina Yakunina
Novgorod State University

ABSTRACT

The Order's bailiffs of Narva were obligated to take charge of economic welfare of the town with the aim of defense maintenance. As one part of this task, the bailiffs were engaged in Livonian-Russian trade, including the control of the fulfillments of the Grand Master's prohibitions on the sale of sensitive goods, normally horses. At a time of escalation in Livonian-Russian relations the Masters did not allow the trade of “big or important” horses, i.e. those horses could be used for military purposes. At the same time, sources show that the Order's prohibitions were constantly violated not only by Russian and Livonian merchants, but also by representatives of the town authorities, in particular of Reval, therefore the bailiffs of Narva had quite large powers and had a right to put horses under arrest (as well as other goods, if they were excluded for export), in case the merchants did not have official documents allowing the export of such goods. However,

even with such official documents, the bailiff could leave the horse in Livonia if he found it suitable for military purposes. Considering the fact that there were no other requirements except the ceiling price for an exported horse the horses bought in Reval often stayed at the border and the concluded deals cancelled. At the moment, the question of engagement of bailiffs of Narva in the system of Livonian-Russian trade relations is actually missed by researchers. This article outlines the role of bailiffs in the horse trade with Russia, and also traces the evolution dynamics of the Order's prohibitions over a period of the 15th century. Following on from the materials of the Tallinn city archive (fund 230, BB 52 I, BD 8) the author reasons that the significant role of bailiffs in the Livonian-Russian trade was dictated not only by the near-border position of the town, but also by the specific relations settled between the Livonian Order and Narva in the 15th century.

KEYWORDS

Bailiff (Vogt), Livonian Order, Narva, Reval.

Contact the author via valjajastrebova@mail.ru

This study is done with the support from the Russian Science Foundation (RSF), project no. 19-18-00183.

Особое место в системе русско-ливонской торговли занимала средневековая Нарва. Несмотря на тот факт, что город так и не стал обладателем ганзейских привилегий^[1], он вел оживленную торговлю как внутри Ливонии, так и за ее пределами, а особенно с русскими Новгородом и Псковом. Тема русско-ливонской торговли достаточно полно освещена в отечественной литературе (Н. А. Казакова, А. Л. Хорошкевич, И. Э. Клейненберг, М. Б. Бессуднова и др.). Авторами затронуты как проблемы торговой политики Русского централизованного государства, так и узконаправленные вопросы. Зарубежные историки (Н. Ангерманн, У. Эндайль, К. Варнке, Ю. Кивимяэ и др.) представляют в своих работах объективную картину «единства многообразия» взаимоотношений русских земель с Ливонией. Однако вопрос участия фогтов^[2] Нарвы в системе русско-ливонских торгово-экономических взаимоотношений фактически не затронут исследователями. В этой связи будет уместным проследить роль фогтов в торговле товарами стратегической важности, а именно лошадьми, поскольку это не только дополнит сложившееся в исторической науке представление о критических точках во взаимоотношениях России и Ливонии,

но и позволит определить специфику нарвской торговли.

Обращаясь к этому вопросу, необходимо отметить, что в ганзейской среде было общепринятым формальное разделение на «дела купцов» и «дела земли»^[3], что по сути означало невмешательство властей в торговые взаимоотношения между купцами, за исключением судебных разбирательств. Этот принцип позволял сохранять торговые отношения и в военное время, поскольку их прекращение в этом случае могло привести к разрыву экономических связей и потере выгодных партнеров на русской стороне. Однако Нарва во многом была исключительным городом — здесь мы наблюдаем явное вмешательство Ливонского ордена в ее торгово-экономическую сферу^[4]. Для Ордена целью торговли с Россией, в первую очередь с Новгородом и Псковом, являлась не столько экономическая выгода, сколько укрепление и стабилизация отношений. Именно поэтому для магистров было так важно поддерживать статус Нарвы, как одной из важнейших торговых точек на границе.

Свидетельствуют об этом привилегии дарованные Нарве верховным магистром в 1418, 1425, 1426 годах после ходатайства ливонского магистра^[5], закрепившие право свободно торговать

[1] LECUB 1. Bd. 5. № 2040, 2153; LECUB 1. Bd. 7. № 489, § 3; Selart A. Die kleine städte Livlands und ihre Rolle in der oder für die Hanse // «Hansisch» oder «nicht-hansisch» das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse. Callidus, 2019. S. 23.

[2] Фогты в Нарве, как представители администрации Ливонского ордена, до начала XVI века контролировали фактически все сферы жизни города. Они заботились о материальном благосостоянии замка, его военном обеспечении, контролировали вопросы связанные с торгово-экономическим развитием города, а также участвовали в сфере судопроизводства.

[3] Wernicke H. Der Hansekaufmann als Gast im fremd Landen. Aufnahme und Verhalten / Horst Wernicke // Fremdheit und Reisen im Mittelalter. Greifswald. — 1997. — S. 179-183.

[4] Бессуднова М. Б. «Файда» Фогта Вальгартена и торговые интересы Нарвы / М. Б. Бессуднова. // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2016. — Т. 7. Выпуск 6 (50). — URL: <https://history.jes.su/s207987840001511-1-1/> (дата обращения: 30.10.2019).; Вебер Д. И., Филюшкин А. И. От Ордена осталось только имя. Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике / Д. И. Вебер, А. И. Филюшкин. — СПб.: Наука, 2018. — 247 С. — С. 102.

[5] LECUB 1. Bd. 5. № 2183, № 2184.

с прусскими городами как на суше, так и морским путем^[6]; право установить весы для взвешивания транзитных товаров^[7] (и взимания сбора с взвешивания), а также право пользоваться печатью для клеймения воска (*waszsege*)^[8]. Все эти привилегии повысили положение города, фактически сравняв неганзейскую Нарву с Ревелем^[9]. Относительно привилегии 1418 года К. Нейтман^[10] отмечает, что мотивы руководства Ливонского ордена в политике по отношению к Нарве скрывались в наличии перманентного конфликта между Ревелем и Ливонским орденом. Верховный магистр в связи с этим стремился утвердить свой авторитет, использовал имеющиеся противоречия между городами и запретил Ревелю, опасаясь чрезмерного усиления Нарвы, препятствовать торговле в Нарве, тем самым одновременно удовлетворяя ходатайство ливонского магистра и укрепляя свои позиции как ландсгерра.

Помимо данных противоречий Орден обладал еще несколькими более вескими причинами для поддержки Нарвы: во-первых, город занимал выгодное географическое положение и являлся важным пунктом сбора стратегической информации, так как одним из путей ее получения был опрос прибывающих с русской стороны купцов,

шкиперов и прочих «гостей»^[11], и в интересах Ордена было активизировать транзитную торговлю через город и способствовать его развитию в целом. Во-вторых, в случае конфликтов с русскими, Нарва оказывалась одним из оборонительных рубежей, поэтому Орден был заинтересован в стабильном экономическом развитии города, что нашло выражение в активном участии фогтов в торгово-хозяйственной жизни. Как участники торгово-экономических отношений фогты осуществляли торговые операции (закупку и продажу товаров) через доверенных лиц; регулировали вопросы торговли Нарвы с ливонскими городами, в том числе защищал интересы нарвских купцов; регулировали вопросы русско-ливонской торговли и следили за исполнением запретов верховного магистра на вывоз определенных товаров; контролировали осуществление товарообмена в соответствии с установленным порядком; хранили купеческие товары и, при необходимости, конфисковали фальшивые.

Нарвские фогты участвовали в торговле, как закупая необходимое «для нужд замка и подчиненных» (*des slots behoff unde mynes landtvolkes*)^[12], так и выступая в качестве продавцов^[13]. В основном покупали соль (*salt*)^[14],

[6] LEKUB 1. Bd. 5. № 2194.

[7] LEKUB 1. Bd. 7. № 337.

[8] LEKUB 1. Bd. 7. № 406.

[9] Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках / А. Л. Хорошкевич. — М.: 1963. — С. 141.

[10] Neitmann K. Riga und Wenden als Residenzen des livländischen Landmeisters im 15. Jahrhundert / Klaus Neitmann. // Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich. — 1993. — S. 42.

[11] Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века Истоки конфликта / М. Б. Бессуднова. — М.: 2015. — С. 284.

[12] LEKUB 1. Bd. 8. № 284.

[13] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 46.

[14] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 30.

хмель (*hoppen*)^[15], воск (*wachs*)^[16], мед (*honeges*)^[17], лен (*vlasses*)^[18], и, как правило, большими объемами. Так, например, имеются сведения о закупках соли в объеме 28 ластов и о подготовки сделки на продажу 50 ластов соли^[19]. Учитывая, что один ласт в среднем равен 1 170 кг., можно говорить о крупных партиях, приобретаемых для перепродажи. Чаше всего торговые сделки осуществлялись представителями фогта, действовавшими от его имени^[20]. Как правило, это не вызывало особых проблем и не требовало дополнительного вмешательства фогта, однако, если намечалась покупка или продажа крупной партии, а также если по каким-либо причинам товар был задержан либо, наоборот, требовалась его срочная отправка^[21], то фогт брал дело под личный контроль.

При этом политика фогтов, в первую очередь, определялась интересами Ордена, и они обязаны были выполнять волю магистра и исполнять запреты и ограничения, достаточно часто вводимые при обострении отношений с русской стороной, что, естественно, не всегда способствовало развитию торговли. В этой связи сюжет о торговле лошадьми между Россией и Ливонией и участие в ней фогтов Нарвы заслуживает отдельного внимания, поскольку позволяет охарактеризовать фогтов не только как субъектов торговых отношений, но и как представителей испол-

нительной власти на местах, а также проследить особенности торговых отношений во время действия орденских запретов.

Прежде всего необходимо отметить, что лошади, наряду с оружием, военными материалами и некоторыми металлами^[22], относились к особой категории стратегически значимых товаров и на протяжении фактически всего XV века их продажа за пределы Ливонии либо была полностью запрещена, либо вводились ограничения. Контроль над их исполнением по большей части находился в ведении фогтов Нарвы, поскольку именно через Нарву проходил основной торговый путь между ливонскими городами и Россией. Важно то, что фогты Нарвы контролировали дела, связанные не только с продажей лошадей за пределы Ливонии, но и любые разбирательства, связанные с ними внутри страны и входящие в рамки их юрисдикции. Так, летом 1491 года к фогту обратился Герман Мюле (*Hermen Mule*), сдавший свою лошадь в аренду в Ревель Дитмеру Шперу (*Ditmer Sper*) на пять недель. Однако после окончания срока получил ее обратно покалеченной и израненной до такой степени, что, прибыв к владельцу, лошадь на следующий день пала (*andern dach starff*). Дело, казалось бы, должно было рассматриваться магистратом, тем более что к концу XV века фактически вся сфера судопроизводства уже была

[15] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 42.

[16] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 22, 27.

[17] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 10, 23, 24.

[18] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 4.

[19] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 25.

[20] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 4, 27, 30, 42, 46.

[21] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 68.

[22] LECUB 2. Bd. 1. № 872.

в руках администрации города, однако, как отмечено выше, вопросы, связанные с лошадьми, курировались фогтами^[23].

В сфере русско-ливонских отношений фогты были наделены правом запрещать вывоз купленных в любой точке Ливонии лошадей, если купцы не располагали особыми грамотами. Так, например, в марте 1414 года фогт Нарвы Энгельберт фон Лайссен (*Engelbert von Leissen*^[24]) пишет в Ревель: «русские из Новгорода купили у ваших горожан каких-то четыре лошади, которых они доставили в Нарву, которых мы приказали забрать, поскольку никакими разрешениями они не располагали»^[25]. В письме фогт отмечает, что лошади будут удержаны, так как купцы должны делать свое дело, а он свое, т.е. исполнять приказания ливонского магистра.

При этом мы обладаем свидетельствами, что запреты постоянно нарушались, а фогты стремились не только исполнить свой долг, но и нажиться. Так, 29 июня 1411 года^[26] магистр Ливонского ордена в письме обращается в Ревель и сообщает: ему известно от фогта Нарвы, что, вопреки запрету, ревельские купцы вывозят лошадей не только стоимостью 2 марки, но и гораздо дороже, а также, что за короткий промежуток времени (вероятнее всего, не более нескольких месяцев) Ревель продал в Россию порядка 70 лошадей. Магистр призывал соблюдать его указания, однако мы мо-

жем сделать вывод о продолжающемся систематическом нарушении орденских запретов, поскольку они повторялись в 1413 и 1414 годах^[27]. Помимо этого, с русской стороны постоянно поступали жалобы, что при получении грамот на вывоз лошадей из Ливонии с них требуют слишком много денег и они должны платить с каждой лошади ½ марки или 1 марку вместо установленной пошлыны в 1 фердинг^[28].

В этой связи интересно рассмотреть письмо хаускомтура Нарвы Н. Дюкера (*N. Ducker*) к магистрату Ревеля, датированное 13 июля 1440 года^[29]. В нем он сообщает, что русские жалуются по поводу незаконных поборов со стороны Ревельского хаускомтура при получении грамот на вывоз лошадей. Хаускомтур Нарвы ставит в вину хаускомтуру Ревеля не только этот факт, но и то, что он отправляет русским как мелких, так и крупных лошадей, хотя лично сообщал в Нарву, что не следует продавать лошадей стоимостью выше одной серебряной марки. В связи с чем хаускомтур Нарвы просит ревельский магистрат позаботиться о том, чтобы продажа любых лошадей в Россию прекратилась, включая тех, чья стоимость ниже одной марки. При этом в конце письма он запросил отчет о количестве уже проданных лошадей, поскольку у него имеются сведения только о трех, а также, ссылаясь на приказ фогта, отметил, что никакие лошади

[23] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 63.

[24] Militzer, K. Wykaz unzedów Zakonu Kawalerów Mieczowych I zakonu krzyżackiego w Inflantach z Estonia // Inflanty w średniowieczu. Władztwa zakonu krzyżackiego I biskupów. Toruń, 2002. — S.115.

[25] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 17. («Russen van Nowgharders van juwe borg(ern) ichteswelke IIII perd gekofft hadden, de se tor Narwe brachten, dar se nene bowizinge mede enbrachten, de wi en nemen leten»).

[26] LECUB 1. Bd. 4. № 1887.

[27] LEKUB 1. Bd. 5. № 1955, 1957, 1964.

[28] LEKUB 1. Bd. 12. № 80.

[29] TLA. F. 230. BB 52 I. Fol. 52.

не будут пропущены через границу.

27 февраля 1448 года в Новгороде было заключено перемирие между Новгородом и Ливонским орденом^[30]. В подписанном договоре имелись статьи, касающиеся вывоза лошадей из Ливонии. Были повторены уже действующие правила: вывозить купленных в Ливонии лошадей можно было только по предъявлении фогту Нарвы специального разрешения и уплаты ему одного фердинга, «крупных» лошадей, т. е. пригодных для использования в военных целях, фогт Нарвы имел право не пропускать, однако в этом случае необходимо было «новгородцу взять с судьи [фогта – прим. автора] те деньги, которые он дал за лошадь и судье взять лошадь; а без денег судье лошади не брать»^[31]. Однако в случае, если купец, либо кто-то другой попытался бы скрыть покупку лошади и проехать мимо Нарвы, лошадь изымалась без какой-либо компенсации.

При этом вывоз лошадей из Ливонии все еще представлял собой сложный процесс. По сути, купцы, приобретая лошадь, полагались на волю случая, так как нигде не было закреплено, какую лошадь считать «крупной», а какую нет. Учитывая, что лошади, как правило, покупались для перевозки товаров, ли-

шиться ее на границе обернулось бы для купцов дополнительными затратами. Нередки были случаи, когда, купив несколько лошадей в Ревеле, русские вынуждены были оставить их в Нарве^[32]. И лишь в том случае, если лошади гибли по дороге, русские могли покупать новых, не ставя фогта в известность^[33].

Договор 1481 года^[34] включал новую статью, запрещавшую нарвским фогтам увеличивать вывозную пошлину и отнимать лошадей, что на короткое время облегчило условия их вывоза из Ливонии. Однако уже в конце XV века продажа лошадей в русские земли возбранялась решением ливонского ландтага от 30 марта 1495 года^[35], а ревельский совет постановил «никаких лошадей в Россию не вывозить» (*men nene pferd voren in Russland*)^[36]. При этом запреты, установленные не магистром, а Ганзой, нарвские фогты нарушал постоянно^[37] на том основании, что Нарва не входила в Ганзейский союз^[38]. Интересно, что в отличие от Ганзы магистр Ливонского ордена не препятствовал в этот период вывозу лошадей и даже обратился осенью 1496 года к верховному магистру с просьбой разрешить торговлю лошадьми без сопроводительных писем (*nimandes ere breve umb perde ut deme*

[30] Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV - начало XVI вв / Н. А. Казакова. — Л.: 1975. — С. 75.

[31] Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Ин-т истории Академии наук СССР; под ред. С. Н. Валк. — №73. — М.-Л.: АН СССР, 1949.

[32] TLA. F. 230. BV 52 I. Fol. 53.

[33] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. №73.

[34] HUB. Bd. 11. № 102, §8.

[35] Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века. С. 273.

[36] LEKUB 1. Bd. 4. № 1516, §45.

[37] Клейнберг И. Э. Борьба Новгорода Великого за Нарву в XV веке // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. — 1960. — № 2. — С. 141.

[38] Kivimäe J. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West / Jüri Kivimäe. // Narva und die Ostseeregion | Narva and the Baltic Sea Region. — Narva, 2004. — S. 43.

lande to halende will geven)^[39]. Однако изменение политической ситуации привело к тому, что в 1499 году вступает в силу новый запрет на продажу лошадей^[40].

Таким образом, мы видим, что фогты Нарвы как представители власти Ордена обладали широким спектром полномочий, в том числе торгово-экономического характера, что нашло яркое отражение в сфере торговли лошадьми. Этот вопрос занимал важное место в политике Ордена и регламентировался не только указами магистра, но и рядом международных договоров.

При этом запреты и договоры неточно регламентировали многие аспекты вывоза лошадей, что фактически до конца XV века позволяло фогтам использовать запреты для своей выгоды и повышать вывозные пошлины. К тому же не всегда исполняли волю Ордена и стремились различными способами обойти существующие запреты не только купцы (как ливонские, так и русские), но и городские власти Ревеля, в связи с чем возрастала роль фогтов Нарвы как исполнительной ветви власти на местах, поскольку именно они контролировали выполнение орденских указов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессуднова М. Б. «Файда» Фогта Вальгартена и торговые интересы Нарвы / М. Б. Бессуднова. // Электронный научно-образовательный журнал «История». — 2016. — Т. 7. Выпуск 6 (50). — URL: <https://history.jes.su/s207987840001511-1-1/> (дата обращения: 30.10.2019).
2. Бессуднова М. Б. Россия и Ливония в конце XV века Истоки конфликта / М. Б. Бессуднова. — М.: 2015. — 448 С.
3. Вебер Д. И., Филюшкин А. И. От Ордена осталось только имя. Судьба и смерть немецких рыцарей в Прибалтике / Д. И. Вебер, А. И. Филюшкин. — СПб.: Наука, 2018. — 247 С.
4. Казакова Н. А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV - начало XVI вв / Н. А. Казакова. — Л.: 1975. — 361 С.
5. Клейненберг И. Э. Борьба Новгорода Великого за Нарву в XV веке // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. — 1960. — № 2. — С. 140-151.
6. Хорошкевич А. Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV -XV веках / А. Л. Хорошкевич. — М.: 1963. — 367 с.
7. Kivimäe J. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West / Jüri Kivimäe. // Narva und die Ostseeregion | Narva and the Baltic Sea Region. — Narva, 2004. — S. 17-27.
8. Militzer K. Wykaz unzedów Zakonu Kawalerów Mieczowych I zakonu krzyżackiego w Inflantach z Estonia / Klaus Militzer. // Inflanty w średniowieczu. Władztwa zakonu krzyżackiego I biskupów. — Toruń, 2002. — S.109-121.
9. Neitmann K. Riga und Wenden als Residenzen des livländischen Landmeisters im 15. Jahrhundert / Klaus Neitmann. // Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen

[39] LEKUB 2. Bd. 1. № 413.

[40] LEKUB 2. Bd. 1. № 872.

- Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich. — 1993. — S. 59-93.
10. Selart A. Die kleine städte Livlands und ihre Rolle in der oder für die Hanse / Anti Selart // «Hansisch» oder «nicht-hansisch» das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse. — Callidus, 2019. — S. 23-42.
11. Wernicke H. Der Hansekaufmann als Gast im fremd Landen. Aufnahme und Verhalten / Horst Wernicke // Fremdheit und Reisen im Mittelalter. Greifswald. — 1997. — S. 179-183.

REFERENCES

1. Bessudnova M. B. «Fajda» Fogta Val'gartena i trgovye interesy Narvy [«Faida» of the bailiff Walgarten and trading interests of Narva] // Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istoriya» [Electronic scientific and educational journal «History»]. — 2016. — Vol. 7. Iss. 6 (50). — URL: <https://history.jes.su/s207987840001511-1-1/> (accessed mode: 30.10.2019).
2. Bessudnova M. B. Rossiya i Livoniya v konce XV veka Istoki konflikta [Russia and Livonia in the end of the 15th century. Conflict origins] / M. B. Bessudnova. — Moscow: Kvadriga, 2015. — 448 p.
3. Horoshkevich A. L. Torgovlya Velikogo Novgoroda s Pribaltikoj i Zapadnoj Evropoj v XI–XV vekah [Trade of Veliky Novgorod with the Baltics and West Europe in the 14th-15th centuries] / A. L. Horoshkevich. — Moscow: 1963. — 367 p.
4. Kazakova N. A. Russko-livonskie i russko-ganzejskie otnosheniya. Konec XIV - nachalo XVI vv [Livonian-Russian and Hanseatic-Russian relations. The end of the 14th – early of the 16th centuries] / N. A. Kazakova. — Leningrad: 1975. — 361 p.
5. Kivimäe J. Medieval Narva: Featuring a Small Town between East and West / Jüri Kivimäe. // Narva und die Ostseeregion | Narva and the Baltic Sea Region. — Narva, 2004. — S. 17-27.
6. Klejnenberg I. E. Bor'ba Novgoroda Velikogo za Narvu v XV veke [The struggle of Veliky Novgorod for Narova in the 15th century] // Nauchnye doklady vysshej shkoly. Istoricheskie nauki [Scientific reports of the higher school. Historical science]. — 1960, no. 2. — P. 140-151.
7. Militzer K. Wykaz unzedów Zakonu Kawalerów Mieczowych I zakonu krzyżackiego w Inflantach z Estonia [List of offices of the Livonian Brothers of the Sword and the Teutonic Order in Livonia with Estonia] / Klaus Militzer. // Inflanty w średniowieczu. Władztwa zakonu krzyżackiego I biskupów [Livonia in the Middle Ages. Authority of the Teutonic Order and bishops]. — Toruń, 2002. — P. 109-121.
8. Neitmann K. Riga und Wenden als Residenzen des livländischen Landmeisters im 15. Jahrhundert / Klaus Neitmann. // Stadt und Orden: das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und im Deutschen Reich. — 1993. — P. 59-93.
9. Selart A. Die kleine städte Livlands und ihre Rolle in der oder für die Hanse / Anti Selart // «Hansisch» oder «nicht-hansisch» das Beispiel der kleinen Städte und Livlands in der Hanse. — Callidus, 2019. — S. 23-42.
10. Veber D. I., Filyushkin A. I. Ot Ordena ostalos' tol'ko imya. Sud'ba i smert' nemeckih rycarej v Pribaltike [Only name of the Order remained. Fate and death of German knights in the Baltics] / D. I. Veber, A. I. Filyushkin. — Saint Petersburg: Science, 2018. — 247 p.

11. Wernicke H. Der Hansekaufmann als Gast im fremd Landen. Aufnahme und Verhalten / Horst Wernicke // Fremdheit und Reisen im Mittelalter. Greifswald.— 1997. — P. 179-183. (accessed 13.05.2020)

ПРИЛОЖЕНИЕ // ANNEX

Письмо фогта Нарвы в Ревель от 22 июля 1491 года

Адрес (обратная сторона): Denne ersamen borgermeyster und radmanne der stadt Revell mitt gantzen erßamheit

Menenn vruntlikenn groeth mit allee gudenn stedes tovorinn. Ersamen bßonndern levenn heren borgermeyster und radtman, zodan unsße jegenwerdige myn man von Hermen Mule borger tor Narwe en perdt gekofft hett, unndt datt sulfftyge synnen perde einem by [зачеркнуто] genommet Ditmer Sper, [зачеркнуто – willem] vorhuret het na Revall unndt dar danne by sick over V weckenn getovet ys, da tock dem Rade tor Narwe woll witlick ys. Szo danne unsse man syn perdt weder tor stede gekregenn unndt gekomenn was; dar sulffes by em tobrokenn unndt zo sere vorßeret, datt datt de sulfftyge myn man all syner arbeydes dar ynne to rigge gann moeste unndt groten schadenn dar inne lyden. Ock zo datt perdt tor stede quam, dem andern dach starff. Des darinne myne vruntlike bede wyllenn unssem mynem manne behulplick weißenn unndt to synem rechte helpenn, up dat he dar ffordes geinen schadenn unndt unkost umme don darwe, ys myne instendege vlytige bede unndt umme juwe erßamheit inne grotirenn vordenenn wyll.

De vakenn gedachte juwe erßamheit god lange tyde selich unndt gesunt entholdenn moge. Gegeben to Narve am dage Marie Magdalene im XCI ten jar.

Voget tor Narve

Адрес (обратная сторона): почтенным бургомистрам и совету города Ревеля со всем почтением.

Прежде всего, как всегда, мое дружественное приветствие со всем наилучшим. Почтенные, особенные и любезные друзья, бургомистры и совет, так случилось, что в настоящее время мой человек, Герман Мюле (Hermen Mule), бюргер Нарвы, купил одну лошадь, и эту самую лошадь некоему человеку, именуемому Дитмар Шпер (Ditmer Sper), сдал в аренду в Ревель, и это затем продолжалось пять недель, что также совету Нарвы хорошо известно. Вслед за тем наш человек получил лошадь в городе и вернулся; вместе с тем ему эту самую [лошадь] покалечили и так сильно изранили, что этот самый мой человек все свои жалобы в этом [деле] должен привести в порядок и претерпеть в том большие убытки. А также лошадь в город прибыла и на следующий день пала. А потому в этом моя дружественная просьба: окажите помощь моему человеку и помогите ему в его правах, чтобы он, в свою очередь, в дальнейшем никаких убытков и трат не претерпел. Это моя настоятельная усердная просьба в отношении вашего почтенства ввиду [моих] наивысших заслуг.

Пусть дарует Бог часто упоминаемому вашему почтенству на долгие времена блаженство и здравие. Дано в Нарве в день Марии Магдалены, в (14)91 год.

Фогт Нарвы

Лорд Каслри и «польский вопрос» на Венском конгрессе 1814 – 1815 гг.

Евгений Панков
МГИМО

РЕЗЮМЕ

В данной статье рассматриваются ключевые факторы, влиявшие на формирование позиции министра иностранных дел Великобритании лорда Каслри в отношении «польского вопроса» в преддверии Венского конгресса 1814 – 1815 гг., эволюция взглядов и подхода дипломата к решению этой проблемы, а также сам ход дипломатической борьбы между британским министром иностранных дел и лидерами Антинаполеоновской коалиции по поводу послевоенного устройства польских земель. В качестве исследовательской задачи была определено рассмотрение концептуальных основ подхода британской дипломатии к вопросу о территориальном устройстве населённых поляками земель в Венской системе международных отношений, а также фактор личности лорда Каслри, имевший существенное значение в ходе его дипломатической борьбы вокруг «польского вопроса» с представителями ведущих европейских держав и, главным образом, с российским императором Александром I. Научная новизна работы заключается в попытке поставить позицию британского министра иностранных дел в центр исследования процесса решения одного

из ключевых вопросов, рассмотренных на Венском конгрессе, и проанализировать влияние политического опыта политика, а также комплекса внутренних и внешних факторов на его позицию. В результате автор приходит к выводу о наличии оснований назвать принятый представителями Великих Держав вариант решения «польского вопроса» успешным для Каслри и выгодным для Великобритании, несмотря на несоответствие итоговых решений Конгресса требованиям, заявленным британским министром перед началом переговоров. Кроме того, в подходе лорда Каслри к «польскому вопросу» чётко прослеживается преемственность его видения территориального устройства Европы по отношению к концепции «справедливого равновесия», сформулированной У. Питтом-младшим: одним из необходимых условий её реализации было недопущение вхождения всех населённых поляками земель в состав одной из европейских держав. Отмечается также беспрецедентная для британских министров иностранных дел той эпохи вовлечённость Каслри в континентальную проблематику, хронологически совпавшая с переломными для Европы событиями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Каслри, польский вопрос, Венский конгресс, Александр I, just equilibrium.

Для связи с автором: panckovv.eug@gmail.com

конгресс, справедливое равновесие,

Lord Castlereagh and the Polish question at the Congress of Vienna 1814 – 1815

Evgeny Pankov
MGIMO University

ABSTRACT

The article dwells upon the key factors which shaped the approach of Viscount Castlereagh, the British Secretary of State for Foreign Affairs (1812 – 1822), with respect to the Polish question in the run-up to the Congress of Vienna 1814 – 1815, the evolution of the diplomat's attitude towards this problem, as well as the diplomatic struggle between the British Foreign Secretary and his European counterparts over the post-war organization of the territories inhabited by the Poles.

The research task consists in the attempt to analyse the conceptual framework of the Foreign Office's attitude towards the post-war territorial settlement of the Polish lands, as well as Castlereagh's personality factor, that was of significant importance in the course of his diplomatic struggle over the Polish cause with the Great Powers' representatives, especially with Alexander the Great.

The article's novelty consists in the attempt to place the Foreign Secretary's

position at the centre of the analysis of a crucial issue considered at the Congress of Vienna, and to touch upon the influence of Castlereagh's political background and some domestic and foreign factors that influenced his position.

As a result, the author draws the conclusion that the final settlement of the Polish question was successful for Castlereagh and beneficial for the United Kingdom in spite of the difference between the final decisions and the demands of the Foreign Secretary that were expressed on the eve of the Congress. Besides, there is a continuity between Castlereagh's views on the European territorial settlement and the "just equilibrium" concept, set forth by W. Pitt the Younger: a necessary condition for its realisation was the prevention of accession of Polish lands to only one Great Power. Moreover, the author emphasises the unprecedented for then British Foreign Secretaries involvement in the continental problems, which coincided with the decisive European events.

KEY WORDS

Castlereagh, the Polish question, the Congress of Vienna, Alexander I, just equilibrium.

Contact the author via panckovv.eug@gmail.com

Поражение Франции в Отечественной войне 1812 г. спровоцировало качественные и количественные изменения политической карты Европы, которые были закреплены в результате острой дипломатической борьбы на Венском конгрессе 1814 – 1815 гг., куда прибыли делегации всех стран — участниц Наполеоновских войн. Великобританию представлял виконт Каслри. Английский дипломат играл важную роль в формировании устойчивой системы международных отношений, которая обеспечила устойчивый и долгий мир на континенте. Острые противоречия между бывшими союзниками по Антинаполеоновской коалиции разгорелись по поводу послевоенного устройства польских земель, вопрос принадлежности которых имел ключевое значение для установления прочного мира в Европе, поэтому особого внимания заслуживает позиция министра иностранных дел Великобритании по этому вопросу.

Современный наблюдатель привык видеть, как британские премьер-министры курсируют по миру, иницируют встречи на высшем уровне, подписывают соглашения с коллегами, в то время как главы Форин офис проводят лишь предварительные переговоры. В начале XIX в. ситуация была обратной: находясь в Вене, Каслри имел в своих руках широкий инструментарий, был наделён значительной свободой дипломатического манёвра, в то время как премьер лорд Ливерпуль был заинтересован преи-

мущественно внутренними делами. Принимая во внимание значительное влияние британского министра иностранных дел на конечные решения, принятые в Вене в том числе и по польскому вопросу, необходимо остановиться на рассмотрении формирования его нрава и эволюции политических воззрений, ибо, как писал основоположник структурного реализма К. Уолтц: «Самые важные причины политических решений заложены в природе и поведении человека»^[1]. Следовательно, понять человека — значит сделать шаг вперёд к постижению исторических процессов.

Роберт Стюарт Каслри родился в 1769 г. Его семья была в числе самых богатых фамилий Ирландии. Его образование началось под руководством частных преподавателей, а продолжилось уже в местной академии и, в последствии, в Кембридже. Молодой Каслри был «высок и красив, но те современники, которые не были с ним близко знакомы, часто описывали его характер как “неприступно холодный”»^[2]. Его коллега Д. Хэрд, возглавлявший Форин офис много позже, в 1989 – 1995 гг., писал: «Каслри показывал свои эмоции в двух случаях: когда играл на виолончели и когда писал письма жене»^[3]. Как замечает другой биограф, вскоре после смерти политика его образ стал рассматриваться как «конспективное отображение нрава дипломатов XIX в. — скрытного, невозмутимого, утончённого и равнодушного»^[4].

Едва повзрослев, Каслри устремился в большую политику и уже в 29 лет стал

[1] Waltz K. The Man, State, and War. A Theoretical Analysis. / Kenneth N. Waltz. New York: Columbia University Press, 2001. P. 16.

[2] Jarrett M. The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon / Mark Jarrett. London: I. B. Tauris, 2013. — P. 75.

[3] Hurd D. Choose Your Weapons. The British Foreign Secretary: 200 Years of Argument, Success and Failure / Douglas Hurd. — London: Weidenfeld & Nicolson, 2010. — P. 6.

[4] Bartlett C. J. Castlereagh. / Christopher J. Bartlett. — London: Palgrave Macmillan, 1966. — P. 1.

главным секретарём комиссии по делам Ирландии. На «изумрудном острове» незадолго до этого вспыхнуло восстание. Подавив его, Лондон разработал Закон о парламентской унии, который должен был объединить ирландский и британский парламенты, но для реализации плана Георга III нужен был положительный вердикт ирландской Палаты общин. На долю молодого Каслри выпала сложная задача — подготовить почву для одобрения реформы ирландским парламентом.

Первые усилия политика окончились неудачей — депутаты отвергли проект. Со второй попытки, всего через год после провала первой, парламент «Изумрудного острова» проголосовал «за». За этот год Каслри развернул мощную информационную кампанию, а также, используя средства из королевской казны, не стеснялся, как говорят англичане, «смазывать колёса» — давал взятки ирландским парламентариям. Так, с помощью «методов, которые почти не выходили за рамки правил того времени»^[5], Каслри участвовал в создании Соединённого Королевства Великобритании и Ирландии.

Один из высокопоставленных дипломатов того времени, вспоминая ирландские «подвиги» 2-го маркиза Лондондерри, писал: «Сделки Каслри с парламентариями изменили в худшую сторону его мнение об общественной добродетели, однако помогли ему пре-

успеть в важнейшей науке — познании человечества»^[6]. Этот политический урок в значительной мере повлиял на взгляды Каслри, которому суждено было участвовать в установлении нового европейского порядка пятнадцать лет спустя. Приобретенный опыт не исчез бесследно.

Академик Е. В. Тарле причислял Каслри к тем участникам Конгресса, которые «не возвышались над уровнем дипломатической обыденщины и могли в лучшем случае считаться “средними служебными полезностями” <...> Они все еще плелись в традиционных колеях XVIII века»^[7]. Известно также, что праздная атмосфера Венского конгресса тяготила «кабинетного политика»^[8], не стремившегося к публичности и ораторским изыскам.

Когда в 1791 г. десятки человек были убиты в ходе расстрела демонстрации на Марсовом Поле, а Людовик XVI находился под стражей, Каслри путешествовал по континенту, читал антиреволюционные памфлеты, слушал рассказы эмигрантов об ужасах, происходящих в Париже. Вернувшись на родину, он отбросил либеральные идеи и поддержал правительство на его радикальном пути к решению ирландского вопроса. С тех пор в его сердце навсегда поселился страх перед идеями Революции и «неприятие возрастающей силы новых идей либерализма и национализма»^[9].

Ностальгия по дореволюционному

[5] Hurd D. Op. cit. P. 5.

[6] Jarrett M. Op. cit. P. 77.

[7] Тарле Е. В. Талейран. / Сост. и авт. предисл. В. А. Дунаевский. — Москва: Республика, 1993. — С. 157

[8] Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. — М.: Международные отношения, 1996. — С. 116.

[9] Ward A. W., Gooch G. P. The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783-1919. Vol. 1 / Adolphus W. Ward, George P. Gooch. — Cambridge: University Press, 1922-23. — P. 434.

прошлому роднила главу Форин офис с другими участниками «Европейского концерта». Как писал У. Черчилль: «В 1814 г. в изящной и церемонной обстановке частных совещаний собралась группа аристократов, всю жизнь обучавшихся ведению государственных дел и дипломатии, до последней степени уставших от войны и ненавидевших перемены»^[10]. К слову, Г. Никольсон был жёстче в оценках: «Британию в 1814 г. представляли заблуждавшиеся реакционеры и жалкие аристократы»^[11]. О благоговении Каслри перед дореволюционными устоями говорит и ещё один примечательный факт. Его австрийский коллега и антипод Меттерних замечал в одном из писем, что британский министр «одевается по моде 1780 г.»^[12]: носит синий камзол и красные штаны.

Гардероб Каслри — отражение его приверженности принципу легитимизма, который, по предложению французского представителя Талейрана, лёг в основу венского урегулирования. Суть его сводилась к возврату политического устройства Европы в предреволюционное состояние — восстановлению границ, существовавших в 1789 г. Как объясняет Г. Киссинджер, на базе этого принципа был сконструирован каркас международного порядка, принятый всеми сильными державами как минимум до такой степени, что ни одна из них открыто не выражала стремления

к коренным его изменениям: «легитимизм не позволяет избежать конфликтов, но ограничивает их размах»^[13].

Принцип легитимизма в чистом виде не устраивал ни одну из сторон. Буквально сразу же после поражения Наполеона I между бывшими союзниками наметились, казалось бы, непреодолимые разногласия. Их корень крылся в самой методике урегулирования: нужно было найти компромиссный ответ на вопрос о принципе проведения послевоенных европейских границ. Предстояло сгладить шероховатости на предложенном Талейраном лекале, привести его в соответствие духу времени.

Эта проблема была крайне актуальна для населения Варшавского герцогства. В строгом согласии с идеей французского дипломата, Польша должна была быть восстановлена в границах, намеченных её Первым разделом (1772). Александра I этот вариант не устраивал. Он желал получить территориальное вознаграждение за решающий вклад русской армии в победу над Наполеоном. В первом письме, адресованном премьеру из Вены, Каслри замечает: «Ожидается, что российский император прибудет завтра. Нессельроде не имеет полномочий вносить какие-либо изменения в планы императора, касающиеся Польши»^[14]. Александр не доверил переговоры даже главе МИД, чем сразу же обозначил глубокую личную заин-

[10] Churchill W. S. *The World Crisis. The Aftermath.* / Winston S. Churchill. — London: Thornton Butterworth, 1931. — P. 120.

[11] Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. / Г. Никольсон; вступит. ст. и общ. ред. И. М. Майского; пер. с англ. под ред. И. С. Званица. — М.: Госполитиздат, 1945. — С. 45.

[12] Мусский И. 100 великих дипломатов / И. Мусский. — М.: Вече, 2009. — С. 248.

[13] Kissinger H. A. *World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812 – 22.* / Henry A. Kissinger. — Boston: Houghton Mifflin, 1957. — P. 1.

[14] Webster C. K. *British Diplomacy, 1813-1815: Select Documents Dealing with the Reconstruction of Europe* / Charles K. Webster. — London, 1921. — P. 195.

тересованность в решении польского вопроса.

Один из исследователей истории внешней политики Соединённого Королевства заметил: «Принципы британской внешней политики редко формулируются действующими лицами. Чаще всего, политики натыкаются на них методом проб и ошибок и следуют им подсознательно, на основе опыта»^[15]. Так было и в случае Каслри; однако тезисы внешнеполитического курса Британии были обрисованы У. Питтом-младшим в письме российскому министру иностранных дел Воронцову от 1805 г. Известно, что Каслри помогал премьеру в выработке внешнеполитической стратегии, будучи его «самым преданным и, возможно, самым надёжным помощником»^[16]. Питт акцентировал внимание на равновесии сил на континенте, а главную причину нестабильности видел в слабости Центральной Европы. Премьер предлагал решать эту проблему путём укрепления Австрии и Пруссии, их усиления во всех направлениях, и, соответственно, недопущения усиления России. Для этого в Средней Европе должны существовать сильные буферные государства, в том числе — сильная, но не обязательно суверенная, Польша. Продолжение этой политической линии прозрачно проявляется в подходе Каслри к польской проблеме, к которой другие члены правительства не питали должного интереса. Г. Киссинджер пи-

шет: «Британский народ не видел для себя угрозу в каких бы то ни было социально-политических волнениях на континенте, угроза усматривалась только лишь в нарушении баланса сил»^[17].

Стремление к *just equilibrium* (англ. — справедливое равновесие) в Европе ограничивало дипломатическую манёвренность Каслри. Дипломат находился в жёстких рамках из-за своей «слишком математической и порой нереалистичной позиции»^[18]. Позже Талейран замечал: «Положение английских министров обязывает их, под страхом прослыть утратившими качество, которое в Англии называется *character*, ни в коем случае не отклоняться от раз избранного пути; при выборе его их политика соотносится с возможным мнением парламента»^[19]. Однако не стоит переоценивать силу влияния парламента на позицию английских дипломатов: законодательный орган не особо интересовался европейскими делами. Лишь изредка наиболее активные либералы упрекали Каслри: виги открыто симпатизировали российским притязаниям на Польшу. Ярким критиком позиции министра иностранных дел был Канцлер Казначейства Ванситтарт, писавший: «Нам нельзя раздражать Россию упорным сопротивлением, которое вряд ли приведёт к успеху»^[20]. На это Каслри отвечал: «Российская угроза не выдумана. Мы должны настроиться на сопротивление Александру I

[15] Webster C.K. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815 – 1822: Britain and the European Alliance. / Charles K. Webster. — London: G. Bell and Sons, 1925. — P. 47.

[16] Ibid. P. 30.

[17] Kissinger H. Diplomacy. / Henry A. Kissinger. — New York: Simon & Schuster, 1994. — P. 75.

[18] Bertlett C. J. Op. cit. P. 144.

[19] Талейран Ш. — М. Мемуары. — М.: Издательство института международных отношений, 1959. — С. 210.

[20] Nicolson H. The Congress of Vienna: A Study in Allied Unity / Harold Nicolson. — New York, 1964. — P. 175.

как ещё одному Бонапарту»^[21]. В одном из писем Каслри сетовал: «[Российские требования] таят попытку восстановить систему, для разрушения которой мы объединились: когда одна мощная военная держава держит в некоторой зависимости две другие (имеются в виду Пруссия и Австрия, с которыми Россия, присоединив Польшу, имела бы общие границы — Е.П.) и через них распространяет влияние на Европу»^[22].

Нельзя было в полной мере освободиться и от влияния английского общественного мнения. «*The Times*» неоднократно выпускала материалы в защиту независимости Польши. На мнение простых людей значительно влияла и пропаганда «союзов» правительств: здесь преуспевал Талейран.

За всё время участия в Венском конгрессе правительство направило Каслри только одну официальную инструкцию, да и ту он «нарочно проигнорировал»^[23]. Премьер Ливерпуль сообщал свою позицию лишь по наиболее важным вопросам, параллельно побуждая своего подчинённого к скорому возвращению домой, чтобы активизировать совместные усилия на поле внутриполитической борьбы. Делегация из Лондона в Вену шла до двух недель — события успевали значительно измениться. Когда стало ясно, что интересы Британии на морях погрязнут, Каслри, «самый европейский министр иностранных дел Великобритании»^[24] (его отъезд

на континент сразу стал сенсацией), получил карт-бланш в решении европейских проблем.

В отличие от большинства своих коллег Каслри считал Великобританию, в геополитическом смысле, частью континента. «Континентальный мир без британского участия был для него страшным сном»^[25]. Этим и была вызвана его высокая заинтересованность в судьбе Польше и Саксонии.

Своими притязаниями на все Варшавское герцогство целиком, Александр I полностью подрывал британскую модель урегулирования. В основу позиции императора были положены разработанные российской дипломатией ещё до Отечественной войны 1812 г. «Польские проекты». Их обсуждение началось ещё в 1809 г., когда этнический поляк А. Чарторыйский, сторонник восстановления польской государственности в тесном союзе с Россией, обратился с соответствующим предложением к Александру I. Его проект предусматривал образование вассального Польского королевства на территории Варшавского Герцогства и западных земель Российской империи.

Что интересно, в соответствии с планом Александр получал титул Короля Польского. Оказалось, что российский монарх действительно примет этот титул, но уже после Наполеоновских войн — в 1815 г., и станет, как отмечает Ю. А. Булатов, «единственным правителем, публично отмежевавшимся от договоренностей 1797 года между Россией,

[21] Ibid.

[22] Webster C. K. *British Diplomacy, 1813-1815*. P. 200.

[23] Ward A. W. *Op. cit.* P. 463.

[24] Капитонова Н. К., Романова Е. В. Указ. соч. С. 103.

[25] Kissinger H. *A World Restored*. P. 31.

Австрией и Пруссией: никогда не включать в свой титул “Королевство Польское”»^[26].

12 ноября 1809 г. в разговоре с уже потерявшим бывшее влияние подданным император признал, что «все беды в Европе» начались с момента разделов Речи Посполитой, и улучшить ситуацию можно, если «даровать конституцию и независимость Польскому Королевству в тесном соединении с русской короною»^[27]. Однако последующее поведение царя заставило Чарторыйского сомневаться в искренности его намерений: монарх все ещё надеялся заключить с Наполеоном «Конвенцию о Польше», которая предусматривала бы отказ от восстановления этого государства^[28].

После годичного перерыва и неудачных попыток сближения с Францией Александр вновь вспомнил о планах Чарторыйского уже в начале 1811 г. При этом была зафиксирована необходимость занятия поляками государственных и административных должностей в структуре Польского Королевства. Однако реализация этих идей зависела от позиций австрийского и прусского монархов, которые весьма неблагоприятно отнеслись к инициативе Петербурга, не желая без должной компенсации уступать часть своей территории, а также осложнять отношения с Францией. Плану Чарторыйского не суждено было сбыться, но он обозначил направление российской дипломати-

ческой линии на Венском конгрессе 1814 – 1815 гг.

Еще до официального открытия Конгресса Каслри, после безрезультатной встречи с российским самодержцем, отправил ему письменное послание, в изысканной и лестной манере, свойственной эпохе, изложив своё видение польской проблематики. Здесь читаем: «Умоляю ваше величество не верить, что я буду смотреть без удовольствия на значительное расширение ваших границ со стороны Польши. Мои возражения касаются только пространства и формы этого расширения... Я <...> должен настаивать на изменении, а не на отказе от ваших требований. [Вы] можете соединить наши благодетельные намерения относительно польских подданных ваших с тем, чего требуют ваши союзники и целая Европа. Они не желают, чтобы поляки были унижены, лишены административной системы, <...> сообразной с их потребностями, не желают, чтобы ваше величество заключили такие условия, которые стесняли бы вашу верховную власть над вашими собственными областями. Они желают, чтобы для сохранения мира ваше величество шествовали постепенно к улучшению административной системы в Польше; чтобы вы (если только не решились на полное восстановление и совершенную независимость Польши) избежали меры, которая, при громком титуле короля, распространит беспокойство в России и странах соседних»^[29].

[26] Булатов Ю.А. Польский эксперимент династии Романовых // Международная жизнь. — 2015. — № 10. — С. 161.

[27] Мемуары князя Адама Чарторыйского и его переписка с императором Александром I. М.: Книгоиздательство К. Ф. Некрасова. Т. II. 1913. С. 197.

[28] Лукашевич, А. М. «Польские» проекты в военно-стратегических планах Российской империи (1810 – июнь 1812 г.) // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6. Минск БГУ, 2011. — С. 179.

[29] Цит. по: Соловьёв С. М. Император Александр Первый. Политика. Дипломатия. / С. М. Соловьёв. — Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1877. — С. 215

К письму был приложен меморандум, где Каслри напомнил Александру I о его, Александра, договорах с австрийским и прусским монархами, заключённых в 1813 г. (Рейхенбахский и Теплицкий), по которым стороны договорились поделить Польшу между собой в ходе будущего послевоенного урегулирования. Каслри писал, что, создавая независимую Польшу и даруя ей либеральную конституцию, царь не учитывает желаний собственного народа.

30 октября из Петербурга пришёл ответ. Не растерявшись, Александр, оплатил англичанину его же монетой, заявив, что это Каслри не считается с желаниями своего народа и членов парламента, когда оппонирует либерализации Польши. Договоры, на которые ссылался английский дипломат, раздражённый монарх объявлял устаревшими: обстоятельства, при которых они были заключены, стали уже частью истории^[30]. В весьма напряжённом тоне Александр апеллирует к «чистоте [своих] намерений», высказывая уверенность: установление нового порядка «послужит общей пользе»^[31].

Вскоре после этого российский самодержец направил в Лондон письмо с предложением окончить общение в частном порядке. Как писал Талейран: «Каслри думал, что он в состоянии склонить императора, однако смог только рассердить его»^[32].

Программа-максимум российской дипломатии предусматривала переход всей территории Варшавского гер-

цогства под контроль Романовых, что позволило бы отодвинуть западную границу империи к р. Одер. Часть территорий, которые Александр I желал получить в качестве вознаграждения за победу над наполеоновской армией «двунадесяти языков», по договорам конца XVIII в. о разделах Речи Посполитой принадлежала Австрии и Пруссии. Естественно, ни Габсбурги, ни Гогенцоллерны не желали уступать земли в самом сердце континента. Однако опасения всех крупных европейских держав по поводу потенциального усиления позиций России в Восточной Европе — более всего оно угрожало Австрии — завели переговоры в тупик. Несмотря на это между российской и прусской дипломатиями возникла почва для сближения, когда Александр I в пику западным державам поддержал стремление Фридриха Вильгельма III присоединить Саксонию, на которые свои виды имела также и Вена. Фридрих же, руководствуясь главным принципом дипломатии — принципом взаимности — согласился удовлетворить польские аппетиты Петербурга. Жёсткая позиция российских и немецких дипломатов означала крах проекта Каслри: аппетит Александра I подрывал британскую модель урегулирования. Лондон опасался чрезмерного усиления России; но ничего не мог с этим поделать.

В этих обстоятельствах австрийский министр Меттерних обратился за помощью к Каслри и Талейрану, пытаясь противопоставить альянс трёх

[30] К следующему письму в Лондон был приложен меморандум за подписью И. Каподистрия. Дипломат указал, что Лондон в аналогичной ситуации аннулировал Амьенский договор 1802 г. Повод для этого — изменение внешнеполитической конъюнктуры; причина — нежелание придерживаться условий соглашения

[31] Соловьёв С. М. Указ. соч. С. 217.

[32] Nicolson H. Op. cit. P. 170.

держав русско-прусскому сближению. Англичанин колебался, но вынужден был согласиться: отказ означал был полный крах всей его политики. Талейран, умело игравший на противоречиях между победителями, позже напишет о венском дипломатическом противостоянии: «Польша, почти целиком находившаяся в руках России, была для Европы предметом постоянных тревог. Для ее безопасности было важно, чтобы две державы, а не одна, подвергались риску потерять свои владения и склонялись благодаря чувству общей опасности к объединению против властолюбивых замыслов России. Общий интерес создавал между ними крепкие узы, и именно поэтому Франция поддержала в данном случае притязания Пруссии и Австрии»^[33]. Сближение Каслри и Талейрана было одобрено премьер-министром графом Ливерпулем.

В канун Рождества 1814 г. Меттерних и представитель Александра I граф А. К. Разумовский начали переговоры об установлении общей границы с Польшей. Российский представитель потребовал присутствия Каслри во время обсуждений. Англичанин, в свою очередь, выдвинул *conditio sine qua non*: стороны должны позволить ему выступить с публичным заявлением. В нём Каслри хотел выразить своё отвращение к самой мысли о возможном разделе Польши. Политик боялся войти в историю как один из участников её очередного раздела.

На встрече 30 декабря 1814 г. уполномоченные российского царя заявили о его готовности уступить Пруссии

г. Тернополь и земли вокруг него, а Австрии — половину соляных шахт Велички. Краков и Торунь Александр I согласился провозгласить свободными городами. Это был ответ на соответствующее предложение английского министра: передача Торуня под власть Пруссии была необходима, чтобы упрочить контроль последней над землями по р. Висле. Английский министр отнёсся к предложению русского царя весьма осторожно.

3 января 1815 г. Каслри, Меттерних и Талейран подписали секретный договор, текст которого подготовил английский министр, чьё поведение шло вразрез с установками главы правительства: Каслри рисковал втянуть Соединённое Королевство в непопулярную войну. В спёртом воздухе венских дворцов витал запах пороха.

Согласно условиям договора, если одна из трёх сторон станет жертвой нападения (в данном случае очевидно: со стороны Пруссии и /или России), другие две выставят по 150 тысяч солдат в защиту союзных интересов. Это соглашение — исключительный успех Талейрана: послевоенная диспозиция «4+1»^[34] превратилась в «3+2», что играло на руку поверженной Франции. В конце XIX в. О. фон Бисмарк сформулировал один из главных принципов баланса сил: «Постарайся быть среди троих в мире, где правит хрупкий баланс пяти держав». Тонкие действия «служившего всем богам» Талейрана стали прекрасной практической иллюстрацией теоретической максимы, изложенной аж через полвека после его смерти.

[33] Талейран Ш.-М. Указ. соч. С. 198.

[34] Четыре страны Антинаполеоновской коалиции против проигравшей Франции.

и это при том, что Талейран, сторонник сильной и независимой Польши, не поддержал Лондон и Вену в их позиции по польскому вопросу! Считаясь с крепостью дипломатических позиций Александра I, «хитрый лис» предлагал возвратить Польшу к границам, установленным Третьим разделом (1795).

12 января Каслри заявил о необходимости предоставления независимости польскому государству, которое должно быть образовано путём воссоединения территории Варшавского герцогства со всеми польскими землями, отошедшими к России в 1791 г. (Эта же идея составляла программу-максимум британской дипломатии с самого начала работы Конгресса. Отчитываясь о переговорах с Александром I, Каслри писал Ливерпулю: «Я заявил, что восстановление независимой Польши удовлетворило бы британское правительство, которое, однако, видит большую разницу между, с одной стороны, созданием на части польских земель подконтрольного России королевства и превращением всей Польши в независимое государство — с другой»^[35].) Истинные причины этих слов исследователи видят в желании «ограничить продвижение России на Запад берегами р. Вислы»^[36]. Заявление министра было сделано с подачи Лондона, стремившегося ещё и произвести впечатление на польское население герцогства. В ходе заключительной фазы польского урегулирования, не имея возможности

повлиять на ситуацию, Лондон решил усилить информационное воздействие на польское население, не забывая и о британском общественном мнении.

В начале февраля, после тяжелейших дипломатических баталий, стороны, наконец, договорились. Российская империя присоединила «на вечные времена» земли упомянутого Варшавского герцогства (Александр I не преминул переименовать его в Царство Польское^[37]) за исключением Кракова, который был объявлен вольным городом^[38], и Познаньской области, которая отошла к Пруссии вместе с г. Торунь. Среди прочих, в составе Царства, площадь которого составляла около 127 тыс. км², находились такие города как Варшава, Лодзь, Люблин и Калиш. Австрия получила южную часть Малой Польши и большую часть Червонной Руси. Под властью Вены теперь находился г. Величка и его соляные копи.

Конституция Царства Польского гарантировала местному населению полную независимость и особую структуру политической власти. Царём Польши стал сам Александр I. Польша сохраняла выборный сейм, свое правительство, армию, национальную денежную единицу — злотый. Польский язык по-прежнему носил статус государственного. Важнейшие правительственные должности занимались поляками. Внешняя политика Царства должна была оставаться под контролем Петербурга.

[35] Webster C. K. Op. cit. P. 198.

[36] Ward A. W. Op. cit. P. 470.

[37] В западной историографии принято название Конгрессова Польша, которое происходит от слова конгресс. Поляки так же называли Царство «Конгрессовкой» (польск. Kongresówka, от Królestwo Kongresowe).

[38] Статус вольного города Краков утратил после неудачного восстания 1846 г. Австрия присоединила город и его окрестности, грубо нарушив Венский договор 1815 г.

Возвратившись из Вены, глава Форин Офис представил вниманию Палаты Общин текст того самого «внешнеполитического завещания» Питта-младшего, чтобы каждый депутат мог оценить высокую точность его реализации. «Танцующая» Вена стала местом триумфа Каслри. С другой стороны, Каслри не смог противостоять усилению позиций России в Польше. Но можно ли вменить ему это в упрек, учитывая беспрецедентно высокое влияние императора-освободителя на устройство всей послевоенной системы отношений? К тому же, даже такой вариант разрешения польской проблемы, далёкий от максимальных требований Лондона, вполне соответствовал национальным интересам Великобритании: устойчивое равновесие на континенте было достигнуто. Спустившись с корабля, Каслри мог бы смело заявить, что привёз мир не только для своего, но и для следующего поколения: после Венского конгресса Европа на протяжении половины столетия не видела крупномасштабных войн.

Роль, которую Каслри сыграл в решении польского вопроса, уникальна. Л.Н. Толстой писал: «Если допустить, что великие люди ведут человечество к достижению известных целей, состоящих или в величии России или Франции, или в равновесии Европы, <...> или в чем бы то ни было, то невозмож-

но объяснить явлений истории без понятий о случае и о гении»^[39]. Так, «самый европейский и наименее островной» министр иностранных дел Великобритании оказался на посту как раз, когда Европа стояла на распутье. Ход истории подготовил Каслри случай для его звёздного часа, а гений дипломата привёл Европу к равновесию, ключом к которому стало решение польской проблемы.

После 1815 г. польский народ не перестал быть разделённым, за что Каслри, как одного из архитекторов Венской системы, часто осуждают. Однако идея национального самоопределения существовала тогда лишь в зачаточном виде и не могла быть определяющим фактором при проведении границ. При этом, английская дипломатия, требуя восстановления независимой Польши, руководствовалась отнюдь не возвышенными соображениями гуманности: решение польской проблемы было для английской дипломатии не целью, а средством. Лондон занимал эту морализаторскую позицию ровно до тех пор, пока она не стала единственным препятствием на пути к достижению выгодного соглашения с континентальными державами. Далее, исходя исключительно из собственных интересов, Британия прагматично отступила от требований о независимой Польше.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Булатов Ю. А. Польский эксперимент династии Романовых / Ю. А. Булатов. // Международная жизнь. — 2015. — № 10. — С. 158-179.
2. Капитонова Н. К., Романова Е. В. История внешней политики Великобритании / Н. К. Капитонова, Е. В. Романова. — М.: Международные отношения, 2016. — 840 С.

[39] Толстой Л.Н. Война и мир / Л. Н. Толстой. — М.: Художественная литература, 1968. — Т. 4. — С. 287.

3. Лукашевич, А. М. «Польские» проекты в военно-стратегических планах Российской империи (1810–июнь 1812 г.) / А. М. Лукашевич. // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) и др. — Минск: БГУ. — 2011. — С. 179-187.
4. Мусский И. 100 великих дипломатов / И. Мусский. — М.: Вече, 2009. — 432 С.
5. Никольсон Г. Как делался мир в 1919 г. / Г. Никольсон; вступит. ст. и общ. ред. И. М. Майского; пер. с англ. под ред. И. С. Завича. — М.: Госполитиздат, 1945. — 298 С.
6. Соловьёв С. М. Император Александр Первый. Политика. Дипломатия. / С. М. Соловьёв. — Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича, 1877. — 563 С.
7. Тарле Е. В. Талейран. / Сост. и авт. предисл. В. А. Дунаевский. — Москва: Республика, 1993. — 348 С.
8. Bartlett C. J. Castlereagh. / Christopher J. Bartlett. — London: Palgrave Macmillan, 1966. — 329 p.
9. Churchill W. S. The World Crisis. The Aftermath. / Winston S. Churchill. — London: Thornton Butterworth, 1931.
10. Hurd D. Choose Your Weapons. The British Foreign Secretary: 200 Years of Argument, Success and Failure / Douglas Hurd. — London: Weidenfeld & Nicolson, 2010. — 414 p.
11. Jarrett M. The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon / Mark Jarrett. — London: I. B. Tauris, 2013. — 522 p.
12. Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–22. / Henry A. Kissinger. — Boston: Houghton Mifflin, 1957. — 453 p.
13. Kissinger H. Diplomacy. / Henry A. Kissinger. — New York: Simon & Schuster, 1994. — 912 p.
14. Nicolson H. The Congress of Vienna: A Study in Allied Unity / Harold Nicolson. — New York, 1964.
15. Waltz K. The Man, State, and War. A Theoretical Analysis. / Kenneth N. Waltz. — New York: Columbia University Press, 2001. — 263 p.
16. Ward A. W., Gooch G. P. The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919. Vol. 1 / Adolphus W. Ward, George P. Gooch. — Cambridge: University Press, 1922–23.
17. Webster C. K. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815–1822: Britain and the European Alliance. / Charles K. Webster. — London: G. Bell and Sons, 1925. — 598 p.

REFERENCES

1. Bartlett C. J. Castlereagh. / Christopher J. Bartlett. — London: Palgrave Macmillan, 1966. — 329 p.
2. Bulatov Yu. A. Pol'skij eksperiment dinastii Romanovyh [The Polish Experiment of the Romanov dynasty] // Mezhdunarodnaya Zhizn' [International Life]. — 2015. — № 10. — P. 158-179.
3. Churchill W. S. The World Crisis. The Aftermath. / Winston S. Churchill. — London: Thornton Butterworth, 1931.
4. Hurd D. Choose Your Weapons. The British Foreign Secretary: 200 Years of Argument, Success and Failure / Douglas Hurd. — London: Weidenfeld & Nicolson,

2010. — 414 p.
5. Jarrett M. The Congress of Vienna and Its Legacy: War and Great Power Diplomacy after Napoleon / Mark Jarrett. — London: I. B. Tauris, 2013. — 522 p.
 6. Kapitonova N. K., Romanova E. V. Istoriya vneshnej politiki Velikobritanii [The History of British Foreign Policy]. / N. K. Kapitonova, E. V. Romanova. — Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya [International Relations], 2016. — 840 p.
 7. Kissinger H. A World Restored: Metternich, Castlereagh and the Problems of Peace, 1812–22. / Henry A. Kissinger. — Boston: Houghton Mifflin, 1957. — 453 p.
 8. Kissinger H. Diplomacy. / Henry A. Kissinger. — New York: Simon & Schuster, 1994. — 912 p.
 9. Lukashevich A M. «Pol'skie» proekty v voenno-strategicheskikh planah Rossijskoj imperii (1810–iyun' 1812 g.) [«Polish» Projects in the Military-Strategic Plans of the Russian Empire (1810–June 1812)] / A. M. Lukashevich. // Rossijskie i slavyanskije issledovaniya [Russian and Slavic studies: Scientific Collection]. — Issue 6. / Edited by A. P. Salkov, O. A. Yanovsky et al. — Minsk: BSU, 2011. — P. 179–187.
 10. Musskij I. 100 velikih diplomatov [100 Great Diplomats] / I. Musskij. — Moscow: Veche, 2009. — 432 p.
 11. Nicolson H. Kak delalsya mir v 1919 g. [Peacemaking, 1919] / Harold Nicolson; edited by I. S. Zvavich. — Moscow: Gospolitizdat [State Publishing House of Political Literature], 1945. — 298 p.
 12. Nicolson H. The Congress of Vienna: A Study in Allied Unity / Harold Nicolson. — New York, 1964.
 13. Solov'yov S. M. Imperator Aleksandr Pervyj. Politika. Diplomatiya. [Emperor Alexander the First. Politics. Diplomacy] / S. M. Solov'yov. — Saint-Peterburg: M. M. Stasyulevich, 1877. — 563 p.
 14. Tarle E.V. Talejran. [Talleyrand] / Compiled by V. A. Dunaevskij. — Moscow: Respublika, 1993. — 348 p.
 15. Waltz K. The Man, State, and War. A Theoretical Analysis. / Kenneth N. Waltz. — New York: Columbia University Press, 2001. — 263 p.
 16. Ward A. W., Gooch G. P. The Cambridge History of British Foreign Policy, 1783–1919. Vol. 1 / Adolphus W. Ward, George P. Gooch. — Cambridge: University Press, 1922–23.
 17. Webster C.K. The Foreign Policy of Castlereagh, 1815–1822: Britain and the European Alliance. / Charles K. Webster. — London: G. Bell and Sons, 1925. — 598 p.

